

В. В. КУЙБЫШЕВ

ЭПИЗОДЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1935

В. В. КУЙБЫШЕВ

В. В. КУЙБЫШЕВ

ЭПИЗОДЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Издательство ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1937

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ БОЛЬШЕВИСТСКОГО БОРЦА

(Биография Валериана Владимировича Куйбышева)

25 января 1935 года умер член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Комиссии советского контроля, заместитель председателя Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны Союза ССР, член ЦИК СССР—товарищ Валериан Владимирович Куйбышев. Умер один из вождей нашей партии, профессиональный революционер-большевик, один из активнейших организаторов Октябрьской социалистической революции, один из виднейших участников гражданской войны, крупнейший организатор и руководитель социалистического строительства и планового хозяйства Советского союза.

Валериан Владимирович родился в Омске 25 мая (старого стиля) 1888 года. Уже в ранней юности он примыкает к революционному дви-

жению, принимает активное участие в работе омских социал-демократических кружков. С самого начала своей революционной деятельности товарищ Куйбышев борется в рядах большевиков против царского самодержавия. В 1904 году, когда Валериану Владимировичу едва исполнилось шестнадцать лет, он вступает в социал-демократическую большевистскую организацию города Омска. Здесь будущий профессиональный революционер проходит первую школу революционной большевистской борьбы.

Революционные события 1905 года застают товарища Куйбышева в Петербурге. Он принимает деятельное участие в рабочем движении и работе петербургской организации большевиков. Несмотря на свои семнадцать лет, Валериан Владимирович уже пользуется известностью среди партийных работников. Петербургская организация поручает ему выполнение ответственнейших и боевых заданий. Товарищ Куйбышев организует транспорт и хранение оружия.

Активную партийную работу товарищ Куйбышев ведет на протяжении всего пятого года. И когда реакция одерживает временную победу над революционным рабочим классом, товарищ Куйбышев остается на боевом посту. В 1906 году он работает в Омске, где избирается в члены

Дом в Кокчетаве (Казахская ССР), в котором В. В. Куйбышев жил в детстве.

местного комитета большевистской организации. Здесь же, в Омске, при провале партийной конференции, товарищ Куйбышев попадает в руки царских жандармов и предается суду по обвинению в принадлежности к большевистской партии. Царским охранникам однако не удается собрать против товарища Куйбышева какие-либо улики, и суд, оправдав его по 126-й статье, приговорил по 124-й—к одному месяцу крепости. Но с этого времени охранка не перестает охотиться за Валерианом Владимировичем. Вскоре он был опять арестован и выслан в Каинск, откуда бежал.

В 1907 году товарищ Куйбышев работает в Томске, в качестве члена местного партийного комитета. В Томске товарищ Куйбышев оказался после побега из Каинска. В том же 1907 году товарищ Куйбышев, вынужденный скрываться от преследований охранки, переходит на работу в Петропавловск, где в качестве профессионального партийного работника руководит местной организацией.

В 1908 году товарищ Куйбышев снова в Петербурге. Принимает деятельное участие в работе петербургской организации большевиков. В июле этого года полиция арестовывает Валериана Владимировича. Снова каинская тюрьма. Здесь товарищ Куйбышев просидел в заключе-

нии до 1909 года. Это был только кратковременный перерыв в его революционной деятельности.

Выйдя из тюрьмы, Валериан Владимирович немедленно включается в нелегальную работу и в апреле 1909 года арестовывается в Каинске. Снова тюремное заключение. Освобождение из тюрьмы, нелегальная работа, и новый арест в феврале 1910 года в Томске. Царские жандармы приговаривают Валериана Владимировича к административной высылке на два года в Нарымский край. Будучи в ссылке, Валериан Владимирович не прекращает своей революционной работы и в ноябре 1910 года подвергается аресту за организацию партийных кружков в Нарыме.

Когда срок пребывания в ссылке истек, Валериан Владимирович возвращается в марте 1912 года в Омск, где продолжает революционную работу. В июне того же года его снова арестовывают за организацию в Нарыме первомайской демонстрации в 1911 году.

В 1913 году товарищ Куйбышев оказывается в Петербурге, где работает чернорабочим на песочных карьерах, а затем в Вологде и в Харькове, куда он приехал по явке к товарищу Бубнову. В 1914 году, в результате установленной за ним слежки после первомайской демонстра-

ции, товарищ Куйбышев был вынужден скрыться из Харькова. Снова Петербург. Здесь товарищ Куйбышев пробыл около года, входил в состав Петербургского комитета большевиков и его пропагандистскую коллегию.

В июне 1915 года товарищ Куйбышев снова попадает в руки полиции. Царские власти приговаривают его к высылке на три года в село Тутуры, Верхоленского уезда, Иркутской губернии. Несмотря на военную обстановку в стране и свирепый террор охранников, Валериан Владимирович совершает в апреле 1916 года побег из ссылки и перебирается на партийную работу в Самару. Он поступает фрезеровщиком на самарский трубочный завод и под фамилией Адамчик входит в состав Самарского комитета большевиков. Совместно с товарищем Бубновым и Шверником организует поволжскую большевистскую конференцию. Конференция собралась в сентябре и провалилась на первом же заседании. Товарища Куйбышева арестовывают и высылают в Туруханский край на пять лет.

Но царским жандармам уже не удается выполнить свой приговор. На пути в ссылку, в этапной избе села Бобровка, на Красноярско-Енисейском тракте, исхоженном многими поколениями русских революционеров, товарища

Куйбышева застает Февральская революция. Валериан Владимирович возвращается в Самару, где избирается председателем рабочей секции самарского совета и председателем Самарского партийного комитета. После Октябрьской социалистической революции под его руководством в Самаре устанавливается советская власть. Валериан Владимирович был первым председателем Самарского ревкома и губкома партии.

Начинается суровая борьба за утверждение пролетарской диктатуры.

В 1918 году товарищ Куйбышев становится во главе борьбы поволжского пролетариата против контрреволюционных банд чехословаков и учредиловцев, принимает участие в организации вооруженных сил пролетарской диктатуры на Востоке, работает в качестве комиссара и члена Революционного военного совета I и IV Красных армий. Валериан Владимирович был одним из руководителей разгрома контрреволюционных банд под Самарой.

В 1919 году, при подходе Колчака к Самаре, товарищ Куйбышев назначается членом Революционного военного совета южной группы Восточного фронта, которой командовал товарищ Фрунзе. Вместе с южной группой участвует в разгроме Колчака. В это время товарищ Куйбы-

шев назначается членом Революционного военного совета сначала XI Красной армии, а затем Туркестанского фронта и участвует в освобождении советской Средней Азии от белогвардейцев и интервентов. После окончания гражданской войны товарищ Куйбышев работал заместителем председателя Туркестанской комиссии ЦК РКП(б), а затем полпредом советского правительства в Бухаре (после изгнания эмира).

В конце 1920 года товарищ Куйбышев избирается членом президиума ВЦСПС, а затем назначается членом президиума ВСНХ и одновременно руководит в качестве начальника Главэлектро работой электрической промышленности.

На X съезде партии товарищ Куйбышев избирается кандидатом в члены ЦК. На XI съезде партии он избирается членом Центрального комитета. С 1922 по 1923 год товарищ Куйбышев — секретарь ЦК РКП(б). В 1923 году на XII партийном съезде избирается в состав ЦКК и по 1926 год состоит председателем ЦКК — наркомом РКИ и заместителем председателя Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны СССР. С 1926 года, после смерти Ф. Э. Дзержинского, товарищ Куйбышев назначается председателем ВСНХ СССР и с декабря

1927 года является членом Политбюро ЦК ВКП(б). С 1930 года товарищ Куйбышев занимает пост председателя Госплана и заместителя председателя Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны СССР.

На XVII партийном съезде товарищ Куйбышев избирается председателем Комиссии советского контроля. Одновременно он занимает пост первого заместителя председателя Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны СССР.

Таков в кратких чертах жизненный путь Валериана Владимировича Куйбышева, отдавшего всю свою жизнь, все свои силы рабочему классу и торжеству дела социализма.

По „Правде“ № 25
от 26 января 1935 г.

В.В.КУЙБЫШЕВ

*

ЭПИЗОДЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Дело было в 1905 году в Петербурге. Я был семнадцатилетним юношей, только что поступившим в военно-медицинскую академию. Мое участие в организации социал-демократов заключалось в том, что я распространял по районам нелегальную литературу, сдавая ее в районные центры распространения. Кроме того мне было предложено получать на Финляндской стороне, в квартире одного рабочего, ящики бомб, приходившие из Финляндии, и отвозить их в центральный склад, откуда они направлялись (как мне было известно) по всей стране, а в данном году по преимуществу в Москву для вооружения московского декабрьского восстания.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел в ноябре 1905 года. Однажды вечером я в сопровождении курсистки Агаты Яковлевой направлялся в связи с прибытием бомб в квартиру рабочего. Транспорт бомб заключался в

двух длинных ящиках, которые нам предстояло перенести. Мы решили ящики вскрыть и обложиться бомбами: в карманах, за поясом, на спине, на груди у меня и у Яковлевой разместился один ящик. Бомбы из второго ящика мы связали свертками, а частью из них я доотказа нагрузил свой довольно обширный портфель.

Мы вышли из квартиры значительно пополневшими. Портфель был неимоверно тяжел. Квартира находилась на окраине, в очень глухом переулочке, и нам долго пришлось итти, пока мы не вышли на сравнительно большую улицу.

Идя по улице, я вдруг обнаружил, что сзади нас, шагах в двадцати, идет околоточный надзиратель. Чтобы проверить, случайно это или за нами следят, мы свернули в первый попавшийся переулок, и вдруг мы снова увидели этого же околоточного, идущего за нами уже по переулку. Портфель и свертки страшно оттягивали руки, перекладывать из одной руки в другую было бы неосторожно, так как это выдало бы необыкновенную тяжесть портфеля. Мы начали маневрировать: свернули в другой переулок — околоточный за нами; свернули еще раз — околоточный опять-таки за нами. Мы в полном отчаянии: дальше итти с таким грузом, который давил грудь, оттягивал плечи и руки

до того, что они становились бесчувственными, было свыше сил. Еще бы одна минута, и мне пришлось бы бросить портфель, что означало не только потерю этих бомб, но и неизбежный провал, так как сзади идущий околоточный не мог не обратить на него внимания. Вдруг, осторожно оглянувшись, я увидел, что околоточный зашел в один из домов. Стало совершенно очевидным, что его путь лишь случайно совпал с нашим. Вслед за этим, шагах в десяти от нас, я увидел извозчика. Я позвал его, назвал ему адрес, мы сели и поехали. Удачный исход развеселил меня. Однако я с удивлением заметил, что спутница моя необыкновенно мрачна и на мой вопрос, в чем дело, я вдруг слышу встречный вопрос: «Вы сознаете, что вы сделали?»

Я недоумевающе смотрю на нее. «Ведь вы же провалили все дело,—сказала она.— Вы громко назвали адрес склада, а околоточный зашел в этот дом только для того, чтобы затушевать погоню за нами. Он все слышал, теперь ему не надо даже гнаться за нами, так как он знает адрес, куда мы едем. Об этом немедленно будет сообщено по телефону, куда следует, и провалимся не только мы, но и склад».

Нервы были взвинчены и опасностью дела, и мнимой погоней околоточного, и наступавшей ночью. Мне казалось, что она права, и я сказал

ей: «Так давайте не повезем бомбы по указанному адресу». Но в ответ Яковлева заявила, что она на это не пойдет. и раз я назвал адрес склада, то склад все равно будет провален, товарищи, работающие там, погибнут и мы также должны с ними погибнуть.

Агата Яковлева всю дорогу твердила об ужасе положения, которое я создал, и довела меня до последней степени отчаяния. Нужно не забывать, что мне не было восемнадцати лет, в конспирациях и подпольной борьбе я не был закален. Яковлева была старше меня, и то, что она говорила, я принимал за проявление большего опыта, большей конспиративной практики. В крайне тягостном настроении мы приехали на квартиру, где помещался центральный склад. Сильно меня обрадовало то обстоятельство, что товарищ, ведавший этим делом, был жив и невредим, что он был в веселом настроении. Пессимистические предсказания Агаты Яковлевой его рассмешили. Ни минуты не колеблясь, он разгрузил нас, после чего я почувствовал, какая огромная тяжесть лежала на моих плечах, на груди и на спине; с веселым смешком он выпроводил нас затем из квартиры.

По выходе из ворот дома я почувствовал не только освобождение от физической тяжести, но и огромную радость. Все оказалось лишь

кошмарным вымыслом, ничего не случилось, но... Агата Яковлева думала иначе. Мы поехали на извозчике вместе с нею, причем всю дорогу от Мариинской площади, где мы после большого количества петель наняли извозчика, до Выборгской стороны она меня продолжала пилить за мою якобы допущенную неосторожность, уверяя, что благополучная сдача бомб ничего не означает, что она абсолютно убеждена, что попозже, ночью, склад будет арестован и совершенно очевидно, что товарищи, хранившие у себя бомбы, будут приговорены к смертной казни.

Снова ушла радость завершенного дела и пришло отчаяние. Я вновь поверил в неизбежность провала, ареста, казней. Что делать? Бежать туда? Но товарищ, хранивший бомбы, смеялся над опасениями Яковлевой. И вот, приехав на свою квартиру, на Выборгской стороне, я всю ночь до рассвета переживал кошмары: в минуту, когда удавалось задремать, мне виделась смертная казнь, петля палача. Я вскакивал, хватался за револьвер и затем откладывал его в сторону только потому, что говорил себе— успею, узнаю об аресте и, не задумываясь, пущу пулю в висок.

Так прошла ночь. Я почти не спал. Ранним утром ко мне зашла товарищ Е., ведавшая в

2*

партийном комитете транспортом и хранением оружия. Она ужаснулась моему виду. Она слышала уже кое-что на складе, откуда только что вернулась, и стала хохотать, когда я рассказал о тех ужасах, которые пережил.

Видя, что я оскорблен ее смехом, она заставила меня вспомнить подробности путешествия. Будучи опытным конспиратором (ей было в то время, повидимому, под сорок лет), она задала мне вопрос, который сразу снял все опасения. «А не помните ли вы, не было ли стука закрываемой двери до того, как вы назвали адрес?» И вот, порывшись в своей памяти, я вдруг отчетливо вспомнил, что, действительно, до того, как я назвал адрес, я услышал звук закрывающейся двери. Ликованию моему не было предела, я прыгал, как мальчишка, и никак не мог понять, чего от меня хочет товарищ Е. Кое-как усвоив сообщенные ею дальнейшие директивы, я заснул после ее ухода на целый день блаженным сном.

Как я потом имел возможность убедиться, дело обошлось абсолютно благополучно и склад не был провален.

Вскоре, совершенно помимо моей воли и желания, мне довелось «отомстить» моему това-

В. В. Куйбышев в петербургской большевистской организации в 1905 г. Переноска оружия (С картины худ. Стреблова.)

рищу, Агате Яковлевой, за пережитую тревожную ночь.

Как-то поздно вечером, часов в одиннадцать, я возвращался домой с какой-то партийной операции. Помню только, что у меня в портфеле было шесть револьверов. Недалеко от моей квартиры я заметил кинувшуюся ко мне из-под тени ворот Агату Яковлеву. Я спрашиваю ее: в чем дело? Она не захотела говорить и потребовала, чтобы мы немедленно пошли. Мы юркнули в переулок и взяли извозчика. Агата даже перекрестилась от радости, что мы его так скоро нашли, так как дело было ночью и улицы были пусты.

Я снова спросил: в чем дело? В ответ на это Агата спросила, что у меня есть в комнате и кого надо предупредить о предстоящем обыске моей квартиры. У меня в комнате в одном из ящиков комода было очень много нелегальной литературы, но не это была главная беда: ко мне завтра утром должны были притти представители всех районов Петербурга, которым я должен вручить эту литературу. Время было революционное, конспирация в хранении литературы соблюдалась не особенно большая и ничего особенно страшного, в случае даже если бы ее нашли, не произошло бы. Однако пять-шесть товарищей могли быть арестованы и

хотя бы на время оторваны от работы. К счастью, я знал их адреса, и вот, опасаясь ареста товарищей, мы, меняя извозчиков, начали объезжать все районы. Были за Царской заставой, за Невской заставой, в центре города, в конце концов израсходовали на извозчиков все деньги и на Васильевский остров уже пошли пешком. К тому времени уже было семь часов утра и открылась какая-то кофейная. Мы вошли туда, чтобы передохнуть и перекусить; но от усталости я так захотел спать, что, сидя за стаканом кофе, задремал. Агата Яковлева разбудила меня, и, не допив кофе и не съев булки, мы вскочили и, расплатившись, побежали предупреждать товарищей, живших на Васильевском острове. Помимо этого мне еще предстояло предупредить товарища, жившего на Выборгской стороне, но на Васильевском острове мы решили расстаться, так как Агата жила там. Только перед тем как расстаться, Агата рассказала мне, в чем дело: она пришла ко мне в 9 часов вечера, причем хозяйка квартиры — финка, страшно скупая и сварливая женщина,—долго не хотела пропускать ее в мою комнату. В десять часов хозяйка вошла в комнату и попросила Агату выйти, так как она ложится спать. Агата заявила. что она не уйдет и дождется меня. Тогда хозяйка пробормотала

какую-то угрожающую фразу, из которой Агата поняла только одно слово — полиция. Хозяйка куда-то ушла, и вслед за этим стукнула входная дверь. Агата подумала, что она пошла за полицией, пост которой был расположен недалеко от нашего дома. Открыв один из ящиков комода, она увидала там большое количество нелегальной литературы и решила, что если полицейский войдет в комнату даже без ордера на обыск, то, заглянув в комод, он сейчас же позвонит, куда следует, и обыск будет неизбежен. Надо во что бы то ни стало предупредить меня. Она быстро оделась, вышла из квартиры и, к своему ужасу, вдруг увидела подымающихся по лестнице околоточного надзирателя, а за ним хозяйку квартиры. Она прижалась в угол в тени плохо освещенной лестницы; околоточный и хозяйка квартиры прошли мимо, не заметив ее. Для нее стало совершенно очевидно, что околоточный войдет в мою комнату и, ввиду ее неожиданного исчезновения, подозрения и у него и у хозяйки квартиры увеличатся. Околоточный, даже не имея предписания об обыске, заглянет в незамкнутый ящик комода, и тогда гарантирован обыск и даже мой арест в случае, если она меня не предупредит. И вот она стала в тени ворот одного из домов, прилегавших к моему дому, и там дожидалась меня.

Этот рассказ был настолько правдоподобен, что я не сомневался в том, что дело обстояло именно так; кроме того беспокойно проведенная ночь и смертельная усталость понизили мою критическую способность, способность проверить все детали ее рассказа. Я был убежден, что буду арестован. Я уже говорил, что у меня в портфеле было шесть револьверов. Литература — пустяк, это грозило тюрьмой, может быть, двумя годами. Оружие — это другое дело. Куда-нибудь его сдать не представлялось возможности, кроме как передать его той же Агате Яковлевой. Я передал ей свой портфель, она посоветовала мне не являться на квартиру и скрыться. Но меня вдруг охватила усталость и где-то в глубине сознания замелькала смутная мысль, что здесь что-то не так. Я сказал ей, что иду домой, что бы там ни было. Видя мое твердое решение, Агата не стала возражать, и мы договорились, что если я не буду арестован, то должен на другой день побывать у нее, а если меня арестуют, то она через некоторое время придет ко мне в тюрьму на свидание.

Придя на Выборгскую сторону, я предупредил товарища, что он не должен являться ко мне на квартиру, и пошел домой. Вхожу в дом — никаких признаков засады. Звоню в квартиру — хозяйка открывает мне с обычным

видом и тут же спеша ковыляет в кухню, как это было десятки раз, когда я входил к себе. Вхожу в комнату — все в порядке. Открываю ящик комода — литература здесь. Девять часов утра; солнце весело светит в окно. Я стою среди комнаты и недоумеваю. Вдруг меня разобрал страшный хохот над тем, что мы так зря проплутали всю ночь. Я бросился на кровать и безмятежно заснул, не думая даже о развязке всей этой истории.

Проспал я целый день и только вечером начал осторожно расспрашивать хозяйку. Она мне сказала, что в моей комнате была какая-то девушка, которую она просила уйти, и так как последняя отказывалась, то она пошла за полицейским в надежде, что он поможет ей выставить эту незнакомую ей девушку. Полицейский, встреченный ею на пути к своей квартире, которая находилась на два этажа выше моей, наотрез отказался помочь. Она вернулась, девушки уже не застала и очень беспокоилась, не похищено ли что-нибудь из моих вещей. Тогда я ей сказал: «Но вы же шли вместе с полицейским!» Она была несколько удивлена, что я знаю об этом, но сказала: «Да, я шла за ним по лестнице и все убеждала войти в мою квартиру, чтобы выставить эту девушку, но он спокойно шел к себе домой, так как он живет

двумя этажами выше, и зайти в квартиру решительно отказался».

Занятый разными делами, я не шел к Яковлевой. Лишь через десять дней после этой траги-комической ночи, я отправился к ней. В ответ на мой стук открылась дверь и мне показалось, что ее открыла не Агата, а как будто какой-то совершенно другой человек: глаза ввалились, щеки впали, лицо бледное, на лице следы тяжелых тревог. Она на меня смотрела, как на выходца из иного мира.

«Кто вас освободил?» Я рассмеялся и сказал, что не был арестован. Гневу ее не было предела: она рассказала, что в течение восьми-десяти дней она ходила по всем тюрьмам и справлялась, нет ли тут заключенного Куйбышева. Ей неизменно отвечали, что такого нет и что, очевидно, он находится в жандармском управлении. Она обошла все тюрьмы и в то утро, когда я пришел к ней, собралась уже итти в жандармское управление узнать о моей судьбе. Мой приход был очень кстати, ибо совершенно естественно, что ее визит в жандармское управление привел бы к моему аресту.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ И СУД

В 1906 году я приехал из Петербурга в Омск — город, в котором я родился. Сейчас же

связался с партийной организацией. Омский комитет РСДРП был в большинстве большевистским. Лидером комитета являлся Константин Андреевич Попов. Вскоре по приезде я был избран в состав Омского комитета. На меня было возложено общее руководство пропагандистской работой. Кроме того я сам вел несколько рабочих кружков.

Из областного центра мы получили директиву — выбрать делегатов на общегородскую конференцию. После этой конференции должны были быть выбраны делегаты на всероссийский партийный съезд (речь идет о Лондонском съезде, состоявшемся в 1907 году).

Мы провели работу по созыву конференции, причем К. А. Попов на одном из заседаний комитета сказал нам, что в настоящий момент в Омске находится видный товарищ из центра. Фамилии товарища он не называл, сказав лишь, что товарищ бежал из ссылки, по пути за границу задержался в Омске и что он перед отъездом оставит нам проекты резолюций по некоторым вопросам. Мы просили задержать отъезд этого товарища, с тем чтобы он присутствовал на нашей общегородской конференции. Константин Андреевич ответил, что это вряд ли возможно, но что нашу просьбу он передаст товарищу. Мы были очень обрадованы, когда

на заседании конференции появился некий товарищ Абрамович (таков был его паспорт) и принял участие в работах конференции.

Конференция собралась на окраине города, в маленьком доме, в сравнительно большой комнате. Домик снимался на средства нашей организации одним семинаристом, Молодовым. Он сам занимал одну маленькую комнату, остальные две-три комнаты были в распоряжении нашей организации.

Нас было 38 человек. Я не буду излагать хода конференции, скажу лишь, что подавляющее большинство делегатов было большевистским. Только три-четыре делегата принадлежали к меньшевикам. Среди нас были три женщины.

Внешняя охрана конференции была поручена трем товарищам. Из них я хотел бы отметить одного парня, пекаря по профессии, которого мы звали «Курилкой». Я не знаю происхождения этой клички, но к нему она очень шла. Это был человек низкого роста, страшно юркий, с бегающими глазами, постоянно находящийся в движении, тянувший «козью ножку». И както всегда, встречая его, хотелось сказать «Жив, Курилка!»

Конференция шла своим чередом. Вдруг, во время речи Абрамовича, влетает Курилка и

кричит: «Мы окружены казаками!» На его обязанности лежало предупредить о появлении полиции или казаков. Но, зазевавшись где-то вдалеке от здания, Курилка не заметил, как ночью тихо, неслышно, подошли казаки и окружили наш дом. Курилка прорвался к нам уже через цепь казаков, которые вначале не хотели его пропускать, а потом, добродушно посмеиваясь, протолкнули его к нам, твердо зная, что так он вернее останется в их руках.

Моментально, вслед за возгласом Курилки, что мы окружены казаками, врывается исправник, а за ним полицейский пристав и казачий офицер. С револьвером в руке пристав кричит: «Руки вверх, будем стрелять!» За спинами передних товарищей, которые вынуждены были поднять руки, мы усердно начали уничтожать следы нашего собрания. Тем не менее не все уничтожили. Найденными оказались: писанные рукой Абрамовича с поправками К. Попова резолюции конференции, а также печать Омского комитета РСДРП и несколько прокламаций Омского комитета.

Совершенно неожиданно для нас, мы не подверглись обыску в помещении. Нас заставили с поднятыми руками выйти из квартиры, которую в наше отсутствие усердно обыскали. По выходе нас немедленно оцепил большой отряд

казаков и с большими, непонятными, предосторожностями проводил нас в один из участков полиции. Всех тридцать восемь человек поместили в маленькой комнатушке, так что мы не могли не только лечь, но даже сесть.

Обстановка ареста, странное волнение исправника и полицейских, то обстоятельство, что мы арестованы исправником и казаками, а не жандармами, а также тот факт, что обыск был произведен в наше отсутствие — все это повергло нас в большое недоумение. В чем дело? Вскоре все разъяснилось. Оказывается, полиции было донесено о том, что собралась вооруженная дружина, которая должна была произвести в ближайшие дни какую-то экспроприацию. Этим объяснялись и спешка, и те тактические ошибки (о чем скажу позже), которые были допущены арестовавшими нас.

После трехчасового пребывания в участке нас отправили в омскую городскую тюрьму. К счастью, всех посадили в одну камеру, за исключением трех женщин, которые были отправлены в женский корпус.

На другой день мы начали обсуждать, как вести себя при допросе. Обсуждение тянулось несколько дней. За эти дни выяснилось, что нас хотят предать военному суду. Время было еще революционное, и мы жили в полной уве-

ренности, что революция вот-вот снова вспыхнет с небывалой силой, что она неизбежно победит. Поэтому — что же нам разговаривать с судебными властями самодержавия? Мы решили не только не давать никаких показаний, но не отвечать даже на вопросы о своих фамилиях. Каждый из нас должен был произнести следующую стереотипную фразу: «Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду».

Вскоре возник вопрос о защите — воспользоваться защитой или нет? Все мы от защиты отказались, за исключением одного из заключенных, некоего Айзина, представителя немногочисленных среди нас меньшевиков. Ему было всего шестнадцать лет и в этом случае, оказывается, вопрос о защите решали родители.

Прошло несколько месяцев. Среди нас был и сбежавший из ссылки товарищ из центра. Мне и другим членам Омского комитета партии Попов вскоре рассказал, что портной Абрамович не портной и не Абрамович, а присяжный поверенный Шанцер (партийная кличка «Марат»), активный участник Стокгольмского съезда партии[1].

---

[1] Здесь товарищ Куйбышев ошибается — товарищ Шанцер был избран на Стокгольмский съезд, но не присутствовал на нем, т. к. как был арестован на границе. — **Ред.**

Время заключения в тюрьме мы не теряли даром. «Портной Абрамович» и Константин Андреевич Попов (кстати тоже юрист) обучали нас, молодежь, и теории и практике революционной борьбы. Кроме того происходили ожесточенные споры с четырьмя меньшевиками, которые были в нашей среде. Мы интенсивно сносились с волей, так как порядки в омской тюрьме были сравнительно благоприятные для этого.

На свидание к нам приходили случайно уцелевшие партийные товарищи. Они сообщили, что организация восстановлена, что выбран новый Омский комитет во главе с Афанасием. Худо стало только в том смысле, что меньшевики начинали отвоевывать отдельные участки организации, что наехало много меньшевиков и предстоят большие бои за посылку делегатов на всероссийский партийный съезд (омская организация должна выбирать непосредственно, так как на областную конференцию послать делегатов не удалось). Наша связь с омской организацией была настолько тесна, что однажды в камере для свиданий было устроено заседание обоих составов Омского комитета, прежнего — арестованного — и вновь избранного, куда, кстати, попали два очень видных меньшевика. На этом совместном заседании партий-

ных комитетов мы все же большинством голосов избрали Абрамовича и Попова в надежде на то, что им так или иначе удастся освободиться и что только в том случае, если им не удастся освободиться, они будут заменены другими делегатами.

До нас доносились какие-то странные сведения: то нас передавали из военно-окружного в гражданский суд, то опять—в военно-окружной. По правде говоря, это нас мало интересовало. Мы жили верой в то, что нас освободит революция.

Но вот наступают последние дни перед судом. Окончательно выясняется, что нас будет судить военно-окружной суд. Обвиняться будем по 126-й статье Уголовного уложения. Нам грозит максимум восемь лет каторги, минимум — ссылка на поселение.

Однажды Попов и Шанцер созывают общее собрание, и один из них, кажется Шанцер, произносит приблизительно такую речь:

«Товарищи, вы — в большинстве молодые революционеры, не знающие еще ни ссылки, ни тюрьмы, ни каторги. И, может быть, поэтому вы так легко отнеслись к предложению о демонстративном поведении на следствии и суде. (А у нас было решено войти на суд с пением «Марсельезы» и добиться вывода нас из зала

суда, с тем чтобы суд прошел в наше отсутствие.— **В. К.**) Предупреждаю вас,— продолжал товарищ Шанцер,— что, повидимому, дело принимает серьезный оборот, и если мы не примем некоторых мер, то очень может быть, что все мы пойдем на долгосрочную каторгу. Между тем в содержании нашего дела есть такие моменты, которые можно использовать и несколько повлиять на возможный приговор. Я и товарищ Попов считаем, что мы должны сохранить прежнее наше решение отказаться от приглашения защитников. Они тем более не нужны, что Попов — юрист, а я (Шанцер, естественно, скрывал то, что он присяжный поверенный.— **В. К.**) — человек, крайне опытный в такого рода процессах. Вы должны предоставить мне с Поповым возможность использовать все ошибки, допущенные полицией во время нашего ареста и ведения следствия, и постараться скомпрометировать полицию и вообще обвинителей. Вопрос же о защите мы считаем все же необходимым подвергнуть тайному голосованию, так как если большинство присутствующих выскажется за защиту, более того, если даже значительная группа лиц выскажется за защиту, то мы с Поповым считаем, что большинство не имеет права насиловать меньшинство».

Начались жаркие прения. Все высказались за то, чтобы придерживаться намеченной тактики — выйти на суд, спеть «Марсельезу», добиться вывода, и пусть они делают, что хотят. Раздавались лишь отдельные робкие голоса, которые не вязались с этим общим настроением. Тогда Попов и Шанцер выступили с энергичными речами за то, чтобы участвовать в процессе, а вопрос о защите подвергнуть тайному голосованию. Это предложение было принято. Тайное голосование дало такие результаты: из тридцати пяти голосовавших пять высказались за приглашение защиты. Решили защитников не приглашать, а Шанцеру и Попову выступить с последним словом обвиняемых, чтобы использовать грубые нарушения законов, совершенные полицейскими и следственными властями, для компрометации всего дела.

Нужно сказать, что сидевший среди нас Курилка оказался привлеченным еще по другому делу. Мы узнали об этом только в тюрьме. Однажды он забрался в военную казарму с кипой прокламаций и стал раздавать их солдатам. Когда один из солдат попытался его схватить, он выпрыгнул в окно и исчез. Но внешний вид его был настолько оригинален, что, после ареста его по нашему делу, в нем узнали сбежавшего агитатора среди воинских

частей. Это было уже дело более серьезное и тут не было никаких сомнений в неизбежности каторжного приговора.

Нас ведут на суд. Входим в зал. Торжественная обстановка. Кругом военные. На своих местах военный прокурор и военный защитник несовершеннолетнего Айзина.

«Суд идет!», провозгласил судебный пристав. Входят пять человек. Все военные. Председатель — генерал. Седой, обрюзгший, с виду добродушный, всю жизнь проведший в судебных органах. Прокурор — бравый полковник с академическим и университетским значками.

Напоминаю, что абсолютно никаких показаний следственным властям дано не было. Суд мог оперировать исключительно показаниями «свидетелей» — полицейских и казаков, нас арестовавших или обыскивавших.

Начинается допрос свидетелей. Первым вызывается руководитель нашего ареста — исправник. Этот лихой полицейский влетает в зал, козыряет суду, звенит шпорами и бойко отвечает на вопросы председателя. Так как нет защиты, то председатель обращается к обвиняемым — не будет ли с нашей стороны вопросов. Поднимается Попов и задает следующий вопрос:

— Скажите, пожалуйста, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда

Камера в Омской тюрьме, в которой *был* заключен В. В. Куйбышев в 1906—1907 г.

как мы находились в черте города, иными словами, мы были подвластны или жандармской власти или полицмейстеру города Омска?

Исправник пришел в страшное негодование, что-то зарычал и делал какие-то жесты, показывающие, что он не хочет отвечать на такой дерзкий вопрос обвиняемого. Тогда председательствующий говорит ему:

— Нет, будьте добры ответить на вопрос подсудимого.

Вся спесь с исправника немедленно слетела. Он начинает что-то лепетать. Из этого лепета можно было разобрать только одно, что он с Иван Ивановичем, полицмейстером города Омска, большие приятели и что иной раз он помогает Ивану Ивановичу, иной раз Иван Иванович оказывает ему услуги.

Скамья подсудимых хохочет. Но хохот этот еще больше усиливается, когда мы слышим окрик председательствующего:

— Ну, знаете, дружба дружбой, а служба службой.

Попов вновь встает и, обращаясь к свидетелю, старается добиться от него более толкового разъяснения — почему он арестовал нас, а не полицмейстер. Но этого ответа получить нельзя было, и свидетель, как мокрая курица, осмеянный, садится на свое место.

Второй свидетель—околоточный надзиратель, производивший обыск в комнате Молодова, т. е. того товарища, который снимал домик для партийных собраний. Товарищ Молодов еще в камере говорил нам, что ему были доставлены все вещи, кроме брюк и портмоне, которое было в этих брюках. В портмоне было десять рублей. Мы этому не придали особенно большого значения, но наши «защитники» Попов и Шанцер, очевидно, учли это обстоятельство и очень хорошо его использовали.

Товарищ Попов обращается к околоточному надзирателю с вопросом:

— Вы обыскивали комнату Молодова?

— Да, я.

— Там был сундук с вещами?

— Да, был.

— Там были брюки и десять рублей в кошельке?

— Да, были.

Тогда товарищ Попов, раньше не уверенный, что ему удастся поймать эту ниточку, уже прокурорским тоном начинает допрашивать свидетеля, несколько издеваясь над ним:

— А скажите, пожалуйста, куда вы дели эти десять рублей?

Околоточный надзиратель, грубый и тупой бурбон, очевидно ничего не подозревая, отве-

чает, что он эти деньги передал господину полицмейстеру, который прибыл на место ареста уже после нашего увода. Ниточка схвачена, и дальше начинается буквальное издевательство над полицейскими, единственными свидетелями нашего преступления.

Вызывают полицмейстера Шмонина. Председатель суда задает ему формальные вопросы, он на них отвечает. Поднимается Попов. Шмонин, конечно, не знал, что было в зале до его прихода, так как он только что вызван из комнаты свидетелей. Попов уже совершенно прокурорским тоном обращается к Шмонину:

— Господин полицмейстер, во-первых, почему мы были арестованы исправником, а не вами? Во-вторых, вам были переданы десять рублей. Так вот, они не были возвращены обвиняемому Молодову.

Полицмейстер повторяет сцену исправника. Он также гордо заявляет о своем отказе отвечать на вопросы обвиняемых, тоже что-то рычит, шипит, шея его багровеет. И так же, как в первом случае, председатель суда вынуждает свидетеля отвечать на вопросы обвиняемых. Тогда полицмейстер заявляет, что он действительно помнит, что ему были переданы десять рублей, но кому потом он их передал, он сейчас никак не может вспомнить. Попов просит суд

занести в протокол, что деньги попадали из кармана в карман и в чьем-то кармане исчезли. Скамья подсудимых хохочет. Едва сдерживаются конвойные. Даже судьи руками закрывают рот, чтобы не выдать своих улыбок. Председательствующий начинает перешептываться с членами суда и потом заявляет, что в такой редакции это занести в протокол нельзя, но он считает правильным, чтобы в протокол было занесено: деньги не были возвращены обвиняемому Молодову.

Поднимается прокурор. Это его первое выступление. Мы ждем какой-то каверзы. Он просит слова у председательствующего, делает большую паузу и заявляет:

— Я прошу занести в протокол (еще бóльшая пауза. Мы недоумеваем, в чем дело.— **В. К.**), я прошу занести в протокол, что брюки также пропали.

Скамья подсудимых уже не сдерживается и не хохочет, а гогочет. Судья близок к тому, чтобы прыснуть. Полицейские сидят посрамленные, уличенные в воровстве и подлогах. Попов все время задает каждому из свидетелей вопрос — не он ли принес и подбросил прокламации. Повидимому, у суда начало складываться впечатление, что дело в значительной мере дутое и что полицейские понадела-

ли таких вещей, которые компрометируют власти.

Как я уже сказал, предполагалось, что в этой квартире собралась боевая дружина. Повидимому, эти сведения собрал исправник. Желая отличиться, он сам, а не жандармские власти и не полиция, арестовал нас. Делу был придан военный характер. На деле же выяснилось, что при нас, арестованных, да и то только у одного человека, оказался... перочинный нож. Правда, как потом нам рассказывали, у второго арестованного был браунинг. Этот браунинг, будучи отобран, не фигурировал ни в каких протоколах. Очевидно, он был украден полицейскими.

Мне сейчас, по прошествии двадцати пяти лет, очень трудно вспомнить все подробности суда, но было очень много моментов, которые все больше и больше ставили полицию в смешное и жалкое положение.

После допроса свидетелей давали показание эксперты.

Они должны были доказать, что рука, вносившая некоторые поправки в проекты резолюций, найденных при обыске, является рукой Попова. Председатель спрашивает экспертов:

— Скажите, пожалуйста, это рука обвиняемого Попова?

Да,— отвечают оба эксперта.

— Скажите, но. может быть, это распространенная рука и. может быть, это простое совпадение?

Эксперты с недоумением смотрят на председателя и молчат. Он говорит:

— Так это распространенная рука. Хорошо, можете итти.

Мы недоумеваем. Настроение суда совершенно неожиданно в нашу пользу. Единственное важное показание против нас — собственной рукой Попова писанные поправки в резолюциях — отметается. Все остальное мы можем отрицать, потому что обыск произведен в наше отсутствие, протокола обыска мы не подписывали, за все то, что было найдено в наше отсутствие, мы ответственности нести не можем.

Судебное следствие закончено, начинаются речи защитников и прокурора. У нас защитников нет, выступает лишь один защитник несовершеннолетнего Айзина. Он говорит только о нем и по существу только о его несовершеннолетии.

Выступает прокурор. Повидимому, ему вообще было присуще говорить с большими паузами, солидно. Он чисто формально излагает дело, заверяет, что о боевой дружине здесь не может быть и речи, так как единственное оружие, найденное у обвиняемых, — это перо-

чинный нож, и то в единственном числе, но все основания есть предполагать, что суд имеет дело с социал-демократической организацией. Поэтому он просит применить к нам 126-ю статью, такой-то пункт, приговорив нас к четырем годам каторги.

Речь была исключительно формальной. Ни одного аргумента, ни одной попытки доказать. Речь по обязанности. Зато, когда прокурор перешел к обвинению Курилки во втором деле, в деле распространения прокламаций среди войск, его нельзя было узнать. Появился пафос, появилось чувство. Он громил, призывая суд быть бдительным и т. д. и настаивал на применении к Курилке статьи, карающей пожизненной каторгой.

Слово предоставляется обвиняемым. Последнее слово подсудимых. Мы сидели на скамье по алфавиту. Первым должен говорить Абрамович (Шанцер).

— Господин Абрамович, хотите ли вы воспользоваться последним словом?

— Пожалуй, воспользуюсь,— говорит он. И вот он начинает речь. Сначала несколько вяло. Мы смотрим на него с некоторым недоумением. Потом он постепенно расходится, и зал оглушается такой речью, какую, я думаю, едва ли слышал когда-либо омский суд: это была не

оправдательная речь, это была речь обвинителя против полиции, против ее методов работы, против самодержавия. Естественно, Шанцер не перегнул палки в части обобщений и атак царского строя. Но это сквозило в каждом его слове. Полицию он так разделал, что от нее не осталось живого места. Воровство, подлоги, кумовство,—все это было им использовано и использовано необыкновенно ярко и полно.

Отвлекаясь, я должен сказать, что я в жизни своей не встречал такого большого оратора, как товарищ Шанцер. Недаром товарищ Шанцер был прозван Маратом. Это была его постоянная партийная кличка.

Трудно представить себе, какое впечатление произвела эта блестящая речь «портного Абрамовича» на суд и прокуратуру. Даже мы, знавшие Шанцера уже в течение пяти месяцев по совместному тюремному заключению, слушали его, раскрыв рот, так как тюремная обстановка, естественно, не давала повода для проявления его столь исключительного ораторского таланта.

Дальше началась перекличка по алфавиту остальных обвиняемых. Все мы отказываемся от права воспользоваться последним словом. Доходит очередь до Попова. Он берет слово и не столь талантливо, не столь горячо, но с поразительной логикой, более детально доказывает

те положения, которые только что привел в своей речи Шанцер-Марат.

Суд удаляется на совещание. Мы сидим в специально отведенной для нас комнате и не можем притти в себя от недоумения. Я не помню, что больше нас поразило — необыкновенное ли поведение суда или совершенно необыкновенная речь «портного Абрамовича».

В то, что Абрамович — товарищ из центра и что он — Шанцер-Марат, нас было посвящено только пять или семь человек. Все остальные не сомневались, что это действительно портной Абрамович.

Поведение суда заставило всех нас недоумевать. Мы абсолютно не сомневались в том, что встретим на суде грубые окрики, ожидали и побоев. Таково было наше представление о суде. Но все это нас мало пугало. А тут вдруг суд явно настроен против наших обвинителей и сочувствует нашему поведению.

Суд совещался два-три часа. Мы разговаривали между собой, недоуменно задавая друг другу вопросы. Вдруг входит прокурор и направляется прямо к товарищу Абрамовичу.

— Господин Абрамович, вы — портной?

— Да, портной.

— Слушайте, я ничего не могу понять. У меня уже двадцатилетняя судебная практика,

и я уверяю вас, что ни разу в зале суда не была произнесена такая речь, какую произнесли вы. Чем это объяснить?

— Вы знаете, господин прокурор, я портной. Наше дело таково: сидим на нарах, ноги под себя поджав, и все время разговариваем с товарищами на разные темы. Вот так я и приобрел практику, умею болтать.

Прокурор сразу почувствовал иронию в этом ответе, покачал головой: «Да, знаете, это речь, это речь». И ушел.

Мы долго хохотали над прокурором. Наконец нас зовут в зал заседаний.

«Встать, суд идет!» Входит суд. Председатель суда читает приговор. Приговор короткий: «Признать всех обвиняемых (обвиняемые перечисляются все снова по алфавиту.— **В. К.**) по 126-й статье Уголовного уложения оправданными за неимением доказательств. Признать всех обвиняемых виновными по 124-й статье Уголовного уложения и приговорить каждого к одному месяцу крепости».

Что касается Курилки (я, к сожалению, не могу вспомнить его настоящей фамилии), то он был приговорен к трем годам каторги.

Мы вернулись в камеру. Может быть, это было продиктовано молодостью (мне еще не было девятнадцати лет), но я был страшно огор-

чен этим приговором: или воля или каторга, а то вдруг один месяц тюрьмы.

Так кончился суд и мой первый арест.

Естественно возникает вопрос: чем объяснить такое поведение суда? Конечно, при наличии общей линии на разгром революции, при соответствующих директивах, никакие блестящие речи и никакое наше поведение не могли повести за собой такого мягкого приговора. Ведь все-таки была найдена печать комитета, все-таки была найдена резолюция, писанная рукой одного из наших товарищей. Мы держались демонстративно, никаких показаний не давали, заявив, что с представителями царской власти мы разговаривать не хотим. Мы отказались от защитников. Среди нас был К. А. Попов, который уже неоднократно подвергался преследованию за принадлежность к большевистской партии.

Мы долго ломали голову над этим обстоятельством. Как нам стало известно впоследствии, дело объяснялось следующим: исправник получил сведения о боевой дружине и пришел арестовывать эту дружину. Повидимому, еще до того, как исправник ворвался в нашу квартиру, генерал-губернатору Западной Сибири Надарову и всем окружным властям было известно, что будет произведена операция против боевой

дружины. Руководить этой операцией геройски согласился исправник. Очевидно, ему чудилось сопротивление, ему чудилась какая-то ужасная организация, которая вот-вот должна была произвести какое-то зверское нападение в городе Омске. После ареста обнаружилось, что в нашем деле нет и элементов боевой дружины. Полицией были сделаны совершенно непростительные ошибки (обыск в отсутствие арестованных). Дело было передано в гражданский суд, а оттуда в военный. Военный суд этого дела принять не хотел, и дело снова было передано в гражданский суд. Тогда генерал-губернатор Надаров настоял на передаче дела все-таки военному суду. Военный суд снова отказался. И, как нам потом стало известно, эта тяжба между генерал-губернатором и военным судом дошла до Петербурга, где спорили между собой ведомство юстиции и военная прокуратура. Надаров победил. Дело все-таки передали военному суду против воли его председателя. Председатель суда после этой борьбы с генералом Надаровым решил не особенно стараться на суде.

Так генерал Седов, председатель суда, отомстил генерал-губернатору Надарову за то, что он навязал ему это дело.

Генерал-губернатор Надаров мог отомстить за свое поражение только единственным спо-

собом: он всех нас подверг административной ссылке. Я поехал в Каинск, Попов — на Волгу. Не помню, куда был направлен Шанцер-Марат. Выборы на всероссийский съезд от омской организации все же оказались реализованными. Попов был делегатом от омской организации на Лондонский партийный съезд.

Мне хочется сказать о дальнейшей судьбе нашего милого товарища Курилки. Как я уже говорил, он был приговорен к трем годам каторги. Его живая натура, абсолютно не способная к покою и неподвижности, понудила его бежать из омской тюрьмы до окончания каторги. Я не знаю подробностей этого побега. Знаю только, что, бежав, он остался в том же Омске, не прекращая партийной работы. Однажды, на какой-то массовке, он, гонимый полицейским, бросился в Иртыш, надеясь его переплыть, и утонул.

ОТЕЦ

Мне хочется рассказать один случай с моим отцом. Мой отец в то время был офицером в чине подполковника в должности воинского начальника Кузнецка в Сибири.

Ясно, что он был против моей революционной деятельности, хотя не было речи о каких-нибудь проклятиях или изгнании из семьи, про-

кращении сношений и прочем. Большую роль в такого рода отношении к моей революционной деятельности сыграл следующий случай: в 1906 году я был арестован в Омске и предан военно-окружному суду. Отец в это время был воинским начальником в Кузнецке. В Омске, где я был арестован, жили мои сестры, учившиеся в гимназии, и вот одна из них, будучи гимназисткой приблизительно пятого класса (ей было лет пятнадцать) телеграфировала отцу: «Валериан арестован и предан военно-полевому суду».

Всем известно, что такое военно-полевой суд: сегодня арестовали и максимум через сорок восемь часов приговор, причем приговор или оправдательный или смертная казнь. Другого приговора военно-полевой суд не знал.

Получив телеграмму, отец обезумел: не теряя ни одной минуты, помчался на лошадях (Кузнецк в то время не был соединен железнодорожной линией с Сибирской магистралью) к железной дороге, для того чтобы быстрее приехать в Омск. Он рассказывал, что истратил на это путешествие огромную для его бюджета сумму, так как требовал такой скорости движения, что неоднократно падали лошади.

Приехав в Омск, он, никуда не заезжая, бросился в тюрьму, так как старику казалось, что

может он еще застанет меня живым, и единственная его надежда заключалась в том, чтобы увидеть меня перед смертью.

Он знал, что арест мой не может быть случайным, он знал, что я прочно стал на путь революционной борьбы, следовательно приговор полевого суда, если уж меня ему предали, не может быть иным, как смерть.

В омской тюрьме в этот день были свидания с заключенными, и отца без всякой канители провели в камеру, куда вводились наши политические для свидания.

Отцу сказали, что он может получить свидание со мной. Значит жив, но уже прошло более сорока восьми часов, причем администрация тюрьмы, люди, ожидавшие свидания с другими заключенными,— все это было так спокойно, что не напоминало ни о казни, ни о смерти.

Отцу предложили подождать, так как сын его минут через двадцать будет сюда приведен.

В этой же камере для свидания находились родственники других арестованных вместе со мною, моих сопроцессников. Отец, расстроенный, ничего не понимавший, сидел и прислушивался к разговору окружающих. Наконец, не выдержав, он обращается к одному моему сопроцесснику, беседующему со своей сестрой:

— Вы знаете Куйбышева?

— Ну, как не знать, мы с ним по одному делу.

Это был рабочий Шапошников, парень, обладавший большим чувством юмора. На вопрос отца: «Да как же это?», он ответил: «Да так же, живем, хлеб жуем».

— Но, товарищ, вы преданы военно-полевому суду?

Шапошников рассмеялся:

— Нет, батя, нас предали военно-окружному, да и то еще неизвестно, может быть, и обычный, гражданский суд нас будет судить: не выходит, наверху спорят—то военно-окружной, то гражданский.

— Так, значит, вам смерть не грозит?

— Да что, старик! Смерть! Ты, очевидно, отец Валериана. Какая там смерть, мы будем жить, доживем еще до победы!

Отец понял, что произошло какое-то недоразумение. Он, мчавшись к Омску. считал более вероятным, что найдет где-то мою могилу, мечтал только об одном, чтобы застать меня живым и проститься со мной перед моей смертью. И вдруг совершенно все иначе: я не только жив, но жизни моей не угрожает никакая опасность. Что такое каторга, которая может быть в результате судебного процесса в военно-окружном суде! Это же не смерть!

Когда мне сообщили, что приехал мой отец и пришел ко мне на свидание, мне было крайне неприятно. Я думал: начнутся упреки (это был мой первый арест), слезы, уговаривание.

Придется поссориться с отцом и поссориться окончательно.

О содержании телеграммы моей сестры я, конечно, не знал. Нехотя, настроив себя на решительный отпор всяким попыткам добиться от меня хотя бы каких-нибудь уклонений от взятой мною линии жизни, я пошел в камеру для свидания. Вхожу и вдруг вижу отца не сердитым, а детски-смеющимся. Со слезами на глазах, он бросился ко мне с объятиями. Целует, обнимает, радуется, как-то щупает меня всего, повидимому, желая осязать меня, не веря, что я жив.

Я недоумеваю.

— Отец, в чем дело, почему ты так рад?

Он мне рассказал историю с телеграммой.

Вот так мой отец принял мой первый арест, и ошибка моей сестры совершила очень хорошую службу в том отношении, что примирила моего отца с выбранным мною путем.

ПАСПОРТ

В 1908 году я жил в Петербурге, бежав из канской ссылки. Жил по паспорту — Андрей Степанович Соколов. В смысле связи с партий-

ной организацией у меня дела были очень неудачны: перед этим был разгром большевистской организации Петербурга, и мне никак не удавалось завязать прочной связи. Пробивался я уроками, приходилось заниматься и трудом чернорабочего: несколько месяцев я работал на песчаном карьере, сбрасывая лопатой песок вниз, откуда он свозился на тачках. Однажды в воскресный летний день, я прогуливался по Стрелке (парк на островах в устье Невы, в Петербурге), где обычно в воскресные дни бывает много служилого люда. Я только что поднялся со скамьи, и с газетой в руках, продолжая читать какое-то сообщение, шел по аллее. Вдруг навстречу мне товарищ, с которым я работал некоторое время в одной сибирской партийной организации (петропавловской). Мы бросились друг другу в объятия, целуемся, жмем руки. Он обращается ко мне с вопросом: «А как тебя теперь звать?» (и я и он в организации были под чужими именами и настоящих имен друг друга не знали). Я говорю, что меня зовут Андреем.

— Вот, — говорит, — странно. Я тоже Андрей. А как твое отчество?

— Степаныч.

— Это тем более странно, что я тоже Степаныч. А как фамилия?

— Соколов.

— Я тоже Соколов. Какой губернии?

— Новгородской.

— Какого уезда?

— Череповецкого.

— Где ты взял мой паспорт?

Я рассказал, что получил его, проезжая через Челябинск. Оказывается, что это был его паспорт. Оставил он его в Челябинске, будучи сослан в Оренбургскую губернию, отбыл там срок наказания и поехал в Петербург, получив новый паспорт.

Положение создалось щекотливое. Хорошо, что Соколов приехал в Петербург только позавчера и наши паспорта, заверенные в разных районах, еще не встретились в Центральном паспортном бюро, поэтому пока и не обнаружилось, что в Петербурге жили два лица с совершенно одинаковыми паспортами. Он остановился за Нарвской заставой, я жил на Петербургской стороне и таким образом и Центральному бюро паспортов и полиции еще не было известно об этом «совпадении». Как быть? Естественно, поскольку он, Соколов, а я не Соколов, он имел все преимущества для того, чтобы владеть этим паспортом. Значит, мне надо каким-то образом исчезнуть из Петербурга. Я решил попытаться взять заграничный

паспорт и удрать за границу. Посовстовавшись с некоторыми товарищами, я узнал, что получить заграничный паспорт не так трудно, особенно имея хороший паспорт, который был у меня, т. е. не фальшивый, а настоящий. Надо было лишь получить из участка справку о несудимости, для чего надо было получить какую-то расписку от дворника. Я не пожалел пяти рублей, чтобы склонить дворника к этой расписке. Он взялся хлопотать по этому делу, и буквально на следующий день я имел возможность получить заграничный паспорт. Надо было спешить, и на другой день после получения паспорта я решил уезжать — иначе могут спохватиться и все будет провалено. Утром уходил поезд. С вечера уложил чемодан, связал подушку и одеяло и решил, что ночь можно не спать, или подремать на связанной подушке, задрав ноги на чемодан.

Так лежу, покуриваю и с наслаждением представляю себе, как я окажусь за границей. Я там никогда не бывал и не видал наших вождей. За границей я не рассчитывал оставаться надолго, думал встретиться с Ильичем, непосредственно соприкоснуться с работой Центрального комитета партии и от него получить задание для дальнейшей работы в России. Это была блестящая перспектива, которая меня

страшно волновала и не давала успокоиться.

Вдруг стук в дверь, входит один товарищ, с которым я познакомился совершенно случайно и который не принадлежал к нашей партии,— он был социалист-революционер. Товарищ страшно взволнован, бегает по комнате и даже не обращает внимания на ту неестественную обстановку, которая была перед его глазами: уложенный чемодан, связанная постель, явные приготовления к отъезду.

Я спрашиваю, в чем дело? Он машет рукой: «Да нет, ты не можешь помочь» — и продолжает ходить по комнате. Я пристал — в чем дело, может быть, я помогу. Он объяснил:

— Сегодня в Москву приехал один наш товарищ, которому за московское вооруженное восстание грозит смертная казнь. Его надо отправить за границу, а я не могу найти паспорт.

Я уставился на него: паспорт для товарища, которому грозит смерть... Я ему отдал свой заграничный паспорт.

Трудно описать тот восторг, который охватил моего знакомого: он то хохотал, то начинал плакать, обнимал меня. Он был так рад, что даже не спросил меня, что будет дальше со мной, и стрелой вылетел из комнаты для того, чтобы передать паспорт этому товарищу.

Все произошло так быстро, что я даже не

узнал фамилии человека, которому оказал услугу. Не знаю этого, между прочим, и до сих пор. Но это было неважно.

Стал вопрос: что делать мне? В этой комнате я жил как Соколов. Оставаться в ней дольше нельзя, потому что дворнику было известно о получении мной заграничного паспорта, а кроме того, два совершенно аналогичных паспорта должны были неизбежно столкнуться в Центральном паспортном бюро, и кто-нибудь из нас — я или действительный Соколов — должен быть арестован.

Оставалось — взять немедленно извозчика и поехать к первому попавшемуся товарищу, где можно было переночевать.

После этого я пробыл в Петербурге недели две, а потом был арестован и возвращен в канскую ссылку.

Так кончилась моя первая и единственная попытка выехать за границу.

ЦВЕТЫ В ТЮРЬМЕ

В 1909 году я сидел в одиночке в томской тюрьме. Раз в неделю был день для свиданий. В двенадцать часов дня я имел свидание с моей сестрой. Она сказала, что принесла мне передачу, в частности рубашку и букет цветов от В.,

который передать отказались. Тем не менее, она оставила его у помощника начальника тюрьмы, который, быть может, передаст его мне. Я тут же сказал, что это невероятно, что цветы в камеру никогда не передают.

После свидания с сестрой я вернулся в камеру, куда мне вскоре же принесли передачу — разные продукты, папиросы, рубашку.

Режим тюрьмы был сравнительно хороший, во всяком случае нам удавалось через раскрытые окна (дело было летом) переговариваться с соседями, не прибегая иной раз к перестукиванию через стену.

День свиданий всегда был самым оживленным днем в корпусе политических заключенных. Так, приблизительно часов с двух, мы обыкновенно становились у окон, скрываясь на время, когда проходил часовой, и успевали поделиться почти со всем корпусом услышанными на свидании новостями.

И на этот раз я взобрался на подоконник и беседовал со своими соседями по камере. Вдруг вижу, идет разводящий с четырьмя или пятью солдатами для смены постов. Дело обычное, в этих случаях мы только временно прекращали разговор. Но на этот раз в разводящем я вдруг узнал своего товарища, с которым я сидел и судился в 1906 году. Он шел и внимательно

всматривался в окна, совершенно явно кого-то ища. Я не скрылся и с недоумением смотрел на своего бывшего товарища. Я не знал, что, кончив университет, он был призван на военную службу вольноопределяющимся и служил в местных воинских частях. На этот раз он нес караульную службу по тюрьме. Он заметил меня, улыбнулся и сделал незаметно для остальных знак рукою, чтобы я подождал. Развел караул и, возвращаясь один, остановился против моего окна и стал со мною тихо беседовать.

Камера моя была во втором этаже. Он мне рассказал, как он попал сюда, сообщил кое-какие политические новости и затем многозначительно начал теребить воротник своей рубашки.

Очевидно, он мне хотел что-то сказать, но боялся как бы кто не услышал и потому взглядами, жестами старался приковать мое внимание к воротнику рубашки.

Я долго не понимал, а его жесты стали, пожалуй, даже бросающимися в глаза всякому, кто случайно в это время мог его видеть. И вдруг, не добившись еще от меня понимания, он круто повернул и ушел. Я увидел идущего старшего надзирателя. Он неожиданно вынырнул из-за угла тюрьмы и в момент, когда разводящий теребил свой воротник, был от него

шагах в пяти. Старший надзиратель шел стремительно, и я услышал, как он окликнул разводящего. Я отошел от окна и тут понял, что дело идет о воротнике переданной мне рубашки и что надзиратель видел эти жесты разводящего. Надо было немедленно вспороть воротник и узнать, что там содержится. Наощупь в воротнике ничего не было, очевидно было что-то написано на материи с внутренней стороны воротника. Нельзя было терять ни одной минуты, я грубо разорвал воротник, но к своему удивлению ничего в нем не нашел.

Страшно взволнованный, строя тысячу предположений, я бегал по камере. Вдруг открывается форточка двери. Я приготовился увидеть там физиономию старшего надзирателя и вместо этого вижу протянутую руку с превосходным букетом роз. Я бросаюсь к форточке, схватываю букет, и форточка немедленно закрывается, так что я даже не успел увидеть, кто мне передал цветы.

Букет роз в одиночке! Я не знаю, что с ним делать, ношусь с ним из угла в угол. Наконец, сообразил и поставил его в жестяную кружку для чая. Куда в камере теперь его поставить? Через глазок надзирателю доступна вся камера. Я его поставил в углу так, чтобы он не был виден, но потом мне это показалось кощунством

над прекрасным букетом, и я его поставил у себя на столе.

Снова открывается форточка, и один из помощников начальника тюрьмы, молодой человек лет двадцати пяти, говорит мне, что он не должен был бы передавать букет цветов, но что моя сестра его очень просила об этом, и он не мог отказать ей в просьбе; он просит об одном, чтобы цветы ни в коем случае не попадались на глаза дежурному надзирателю.

Я снова водрузил букет в угол на полу так, чтобы он не был заметен надзирателю. От поры до времени я его брал в руки и любовался им.

Но все-таки, что находится в воротнике рубашки? Жесты разводящего были совершенно недвусмысленны.

Тюрьма не богата событиями. Но столько их произошло в какой-нибудь один час свидания: товарищ — разводящий, воротник рубахи, цветы, — это была такая порция впечатлений, которая меня вывела из обычного тюремного спокойствия. Я долго метался по камере и наконец утомленный свалился и заснул чутким сном. Я думаю, что спал не более получаса. Вдруг меня разбудил крик во дворе тюрьмы. Вскочив и подбежав к окну, с большим вниманием прислушиваясь, я узнал в этом крике голос начальника тюрьмы. Нельзя было понять

В. В. Куйбышев (второй слева) и Я. М. Свердлов (первый слева) в нарымской ссылке в 1910—1912 гг.

слов, но было очевидно, что он кого-то распекает, кому-то грозит. Долетали слова: арестую, под суд отдам. У меня сложилось впечатление, что начальник тюрьмы кричит на разводящего, и это предположение было правдоподобно: старший надзиратель не только видел разводящего разговаривающим со мной, но заметил и жесты разводящего, указывающие на то, что в переданной мне сегодня рубашке содержится что-то конспиративное.

Мне стало мерещиться, что с этим товарищем разводящим расправляется начальник тюрьмы. Разговоры с заключенными, а тем более передача им каких-бы то ни было сведений, сурово караются годами дисциплинарного батальона. Но это не все: очевидно, надзиратель не оставит в покое и меня и мою камеру. Обыск в камере неизбежен, надо подготовиться, уничтожить все свои записки, уничтожить злосчастную рубаху или как-нибудь правдоподобно зашить воротник, чтобы не подвести разводящего.

Я уничтожал следы, старался исправить разорванный воротник, и ничего не мог сделать. В конце концов я изорвал рубашку в клочки и бросил ее в парашу.

Наконец, как будто все уничтожено, что могло бы подвести разводящего или быть во вред мне.

Жду обыска. Проходит полчаса — обыска нет. Вдруг мой взгляд останавливается на букете роз. А как же быть с этим букетом — ведь помощник начальника тюрьмы просил не подводить его и сделать так, чтобы букет не попался на глаза надзирателю, а сейчас будет обыск, войдет начальник тюрьмы и узнает об этом нарушении тюремных правил одним из его помощников.

Стоит ли подводить человека, который доставил мне это редкое удовольствие в тюрьме? Я схватил букет, не зная, что с ним делать.

Неужели в парашу? Это было страшно тяжело. Нет, что-нибудь другое. Я строил планы: может быть, просто бросить в другую камеру, но тогда надо посвятить в это дело дежурного надзирателя. Может быть, просить верхнего соседа спустить нитку и передать букет ему наверх? Но фасад нашего здания был расположен против квартиры начальника тюрьмы, и такая переправа букета не могла бы остаться незамеченной. Сознание того, что вот-вот придут с обыском, в конце концов заставило меня бросить букет в парашу.

Изнеможенный, я лег на кровать. Надо иметь в виду, что я был уже пять месяцев в одиночке и расшатанные нервы были в таком состоянии, что кажущееся казалось действительностью. Я

заснул тревожным сном, ожидая обыска. Сон был настолько тревожен и чуток, что я вскочил от шагов разводящего, снова сменявшего посты, как от раската грома. Я подскочил к окну. Все в порядке, тот же товарищ Т. разводит караул. Снова он мне сделал знак, чтобы я подождал, и затем подошел к моему окну один. Он спокойно улыбался и продолжал мне сообщать кое-какие сведения с воли. Я смотрю на него с недоумением и молчу. Наконец, он спрашивает:

— Что с тобой?

Я говорю:

— На тебя кричал начальник тюрьмы, грозил арестом, судом?

— Ничего подобного. Попробуй он так кричать на меня! Я ему не подчинен.

— А старший надзиратель, когда ты остановился первый раз у окна?

— Старший надзиратель просил у меня папироску.

— Так значит все благополучно?

— Все благополучно. А как у тебя с воротом рубашки? — решился теперь спросить разводящий. Я сообщил, что я там ничего не нашел. Он был в недоумении.

Поговорив еще и увидев кого-то опять идущим по двору, товарищ Т. отошел от моего ок-

на. Кстати сказать, это была моя последняя встреча с товарищем Т. Где он сейчас, с нами ли он или по другую сторону баррикад, я не знаю.

Остается разъяснить дело с воротником рубашки. Через неделю снова пришла ко мне сестра на свидание и на мой вопрос ответила, что они хотели послать записку в воротнике рубахи, но в последний момент раздумали.

НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ

В 1912 году я кончаю нарымскую ссылку. Как совсем «свободный гражданин» я еду в Омск — там моя родина. Там моя бабушка. Я приезжаю к ней. Чувствую себя свободным, только что кончившим ссылку.

Пообедав у бабушки, я иду к одному моему знакомому Г., меньшевику, работавшему в омской организации. Его квартира была в том же квартале, что и квартира моей бабушки, но выходила на противоположную улицу.

Уходя от бабушки, я сказал, что иду к Александру Николаевичу Г. Прихожу. Тот страшно обрадовался старому приятелю. Мы с ним работали шесть лет в Сибири. Он вздул самовар, приготовил разной закуски. Мы сидим, пьем чай и поругиваемся, так как он меньшевик, а

я большевик. Вдруг в квартиру влетает девушка. Я до сих пор помню ее фамилию и имя — Яцина Люба — дочь содержателя Омской почтовой станции. Она бросается ко мне и говорит:

— Как я рада, что нашла вас здесь, как я рада!

— В чем дело? — спрашиваю я.

И вот она рассказывает: она сидит в своей комнате и читает. Вдруг стук в дверь. У них телефон. Телефонная сеть в городе очень слабо развита. К ним часто приходят многие для того, чтобы поговорить по телефону. На этот раз к ним приходит полицейский и просит разрешения поговорить по телефону. Люба разрешает и, ничего не подозревая, уходит в соседнюю комнату, но слышит весь разговор. Полицейский по телефону просит жандармское управление. Она насторожилась. Полицейский сообщает жандармскому управлению, что Куйбышев прибыл, остановился у бабушки, повидимому, ничего не подозревает, и его можно взять. Полицейский кончил разговор, повесил трубку и ушел. Люба Яцина начинает соображать, как предупредить меня, чтобы меня не арестовали. Она даже не знала, что я приехал. Бросается к бабушке. Бабушка ей говорит, что я ушел куда-то, по всей вероятности к Александру Николаевичу Г. Люба Яцина пошла к

Александру Николаевичу, и там застала меня. Понятна ее радость — она сумела предупредить, что меня собираются арестовать.

Ну, хорошо, она меня предупредила. Я начинаю думать: За что же меня могут арестовать? Я только что кончил ссылку. Недоумеваю, но, конечно, допускаю мысль, что меня хотят арестовать во что бы то ни стало, независимо от того, можно ли меня арестовать или нет, заслужил ли я этот арест или не заслужил. Значит надо бежать. Но куда бежать? Люба Яцина предлагает:

— Поскольку у меня в квартире говорили о вашем аресте, то, очевидно, моя квартира вне подозрения. Пойдем ко мне.

Я говорю:

— Хорошо, давайте пойдем к вам.

Я выхожу вместе с Любой. Для предосторожности она идет впереди, я иду шагах в десяти за ней. Ее квартиры я не знаю. Оказывается, нужно было пройти всего полтора квартала по той же улице, по которой жил Г. Смотрю, она всходит на крыльцо. Я выждал, оглянулся... Как будто бы никого нет. И прошел в эту же дверь. Поднялся на второй этаж.

Любу Яцину я знал только по 1906 году, когда судился вместе с ней в процессе, уже описанном мною. Мне было очень приятно, что

после шести лет, минувших с этого процесса, она сохранила симпатию к революции.

Мы поднялись на второй этаж. Она вскипятила чай, поставила шипящий самовар на стол, очень хорошо его накрыла, поставила на стол варенье, какие-то вкусные пирожные и печенье. Я сижу, пью чай, ем пирожное и доволен, что освободился от какого-то совершенно для меня непонятного ареста. Шутим, смеемся. От поры до времени я прохаживаюсь по комнате. Случайно я заглянул в окно и вижу: идет жандарм, направляясь к крыльцу этого дома. В чем дело? Люба очень испугалась, но, овладев собою, говорит:

— Вы оставайтесь в этой комнате. Я приму его в передней, а если он попытается ворваться в квартиру, то вот через эту дверь выходите в сад, а там уже ориентируйтесь, как можете.

Действительно, времени не было, чтобы рассуждать. Люба идет в переднюю, куда входит рядовой жандарм, даже не унтер-офицер. Я слышу весь разговор. Она спрашивает:

— Что угодно?

— Скажите, пожалуйста, вы недавно пришли домой?

— Недавно, так часа два тому назад.

— За вами не шел какой-нибудь молодой человек?

— Не знаю, может быть, шел.

— Но к вам не заходил какой-то молодой человек?

— Нет, никакой молодой человек не заходил,— говорит она.

Он стоит, переминается с ноги на ногу, позвякивая шпорами. Очевидно, у жандарма нет разрешения на обыск, и он не имеет права обыскивать.

— Так к вам никто не заходил?

— Нет, никто ко мне в квартиру не заходил.

Он помялся еще, звякнул шпорами и ушел. Она закрыла за ним дверь и бросилась ко мне в комнату, говоря: «Очевидно вас проследили». Как быть? Она мне советует немедленно итти в сад и сидеть там. Сад выходит во двор, вернее, большая площадь перед домом разделена на две части: одна часть представляет собою двор, другая—сад. Если я пойду в сад и сяду в глубине его, я буду видеть, как войдут жандармы. Если же они войдут, тогда я должен перелезть через забор и бежать. Так советует Люба. Мне ничего не остается делать. Я выхожу в сад, сажусь на пенек. Наступает уже вечер, так часов шесть. Сижу в глубине сада. Проходит час. другой. Вдруг слышу звон шпор. Отряд жандармов через двор пробирается к дому. Оче-

видно, другой отряд вошел в парадную дверь. Значит в доме обыск. Что мне делать — остаться или бежать? Есть шансы за то, чтобы оставаться, потому что, может быть, они обыщут дом и не догадаются пойти в сад. А, с другой стороны, если они найдут меня в саду, я всю жизнь буду раскаиваться: не ушел, когда мог уйти. И вот между этими двумя настроениями я начинаю колебаться: не то бежать через забор, не то оставаться в саду. Не один раз у меня возникало решение броситься через забор, но я отказывался от него, и снова садился на пенек в глубине сада. Жандармы вошли для обыска часов в семь-восемь. И вот уже восемь часов, девять, десять одиннадцать, двенадцать, а я все сижу на пеньке в этом самом саду. Наконец, в двенадцать часов ночи что-то вдруг меня подстегнуло. Я думаю: «Какой ты плохой революционер. Даешься в руки полиции. Беги!» Я вскакиваю и перелезаю через забор. А забор был очень высокий и весь утыкан гвоздями. Только влезши на дерево, я мог встать на него и по какой-то ветке, которая тянулась в противоположный двор, спуститься. Вдруг на меня бросаются две большие собаки. К счастью, я увидел, что они на цепи — и одна, и другая. Я оказался в большом купеческом дворе, чисто выметенном, хорошо охраняемом. Передо мной

большой кирпичный дом. Я увидел ворота и бросился к ним. Стал открывать щеколду, которая закрывала ворота. В этот момент вдруг с крыльца сходит конюх, подстриженный в скобку.

— Молодой человек, что вам угодно?

Я ничего не отвечаю и, открыв щеколду, бросаюсь бегом по пустынной улице.

Пробежав шагов десять, я оглядываюсь и вижу, что конюх бежит сзади. Я думаю: «Это пустяки, от конюха я во всяком случае убегу». Бегу дальше. Вдруг вижу какого-то молодого человека, стоящего на углу. Мимо него бегу дальше. Снова оглядываюсь и вижу, что конюх разговаривает с этим молодым человеком. Я бегу дальше. За мною уже бежит не конюх, а этот молодой человек. Я понял, что квартал был оцеплен шпиками. Я бегу в полной надежде, что сумею убежать, потому что он—маленький, я—большой, у меня шаги большие, и расстояние между нами все больше и больше растет. Он в конце концов выдает себя и кричит:

— Господин Куйбышев, остановитесь!

«Ну, думаю, значит это шпик. Теперь я пойман». И бегу дальше. Расстояние растет. От шпика убегаю совершенно явно. И вдруг неожиданно для меня сзади раздался свист. Шпик знал расположение полицейских участков, а я

их не знал. Шпик свистнул, и я очутился во власти полицейского, который мне говорит:

— Ни с места, вы арестованы.

Арестовали, повели в омскую тюрьму.

Этот инцидент был бы, может быть, не так значителен, и о нем я не рассказывал бы, если б он не закончился историей, которая совершенно незабываема в моей жизни.

Меня привезли в омскую тюрьму. Оказалось, что там нет ни одного политического заключенного. Меня втиснули в общую уголовную камеру.

Назавтра утром меня вызывают в контору. Ничего не подозревая, иду в контору, где мне предъявляют требование остричь волосы и одеться в арестантскую одежду. Я уже три раза перед этим сидел в тюрьме. Этого никогда не было. Вообще политические пользовались этим минимумом привилегий: быть в своей одежде и не стричь голову.

Я заявляю протест: на каком основании, почему?

— Ах, ты рассуждать! — хлоп меня по щеке кулаком. Я бросился на тюремщика. Меня схватили сзади за руки и начали бить. Избили до полусмерти. В полусознательном состоянии меня переодели в арестантскую одежду, обрили и втиснули в камеру уголовных. Пять дней я

пролежал с перебитыми ребрами, разбитой физиономией, весь в синяках. Потом меня отправили в томскую тюрьму. А дело оказалось пустяковое. Кончая нарымскую ссылку, я не знал, что за мной есть одно дело. В 1911 году вместе с Варварой Николаевной Яковлевой, Яковом Михайловичем Свердловым, с Мандельштамом (Одиссеем), Владимиром Косаревым и другими мы справляли маевку. В Нарыме тогда были главным образом ссыльные, и маевка не представляла никакой опасности для царского правительства. И вот эта нарымская маевка была основанием, чтобы меня арестовать в 1912 году, издеваться надо мной, потом перевести в томскую тюрьму и начать процесс.

Вот один из моих неудачных побегов во время реакции.

ПРОВАЛ ПОВОЛЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Бежав из иркутской ссылки в конце 1915 года, я направлялся в Петербург, но проездом остановился в Самаре, где работал в то время мой старый партийный товарищ Бубнов. Товарищ Бубнов почти насильно, не дав мне денег, заставил меня остаться в Самаре.

Через некоторое время я поступил на самарский трубочный завод фрезеровщиком по ме-

таллу. Это дало мне возможность соприкасаться с заводской рабочей массой. Самарский трубочный завод был цитаделью революционного движения в Самаре. Там во время войны насчитывалась двадцать одна тысяча рабочих и было очень много высланных большевиков — рабочих. В это время на заводе работал Шверник, теперешний председатель ВЦСПС, кстати, его токарный станок был расположен против моего фрезерного.

Там работал товарищ Папов, теперешний председатель КК Средневолжья. Там работал Янсон, теперешний наркомвод [1].

Там работали Борисов, теперешний председатель сельхозмашинообъединения, и целый ряд других товарищей.

Я жил по паспорту Иосифа Андреевича Адамчика. На заводе я проработал месяцев восемь. Кстати сказать, к концу моей работы на заводе я вырабатывал норму большую, чем любой старый фрезеровщик. Дело доходило до того, что мои партийные товарищи приходили ко мне и просили вырабатывать меньше, чтобы не снижать общий заработок рабочих. Но дело не в этом. Мы с Бубновым затеяли создать в Самаре Поволжскую конференцию большевиков.

[1] Относится к 1931 г.

Все наши силы — и Бубнова, и мои, и всей самарской организации — были направлены на эту цель. Мы посылали агентов по всем поволжским городам, в частности в Саратов. Поволжская конференция большевиков должна была состояться в сентябре.

13 сентября 1916 года на квартире Филиппа Яковлевича Рабиновича, теперешнего члена коллегии Наркомвнешторга, собралась поволжская конференция большевиков, на которой были представлены делегаты Самары, Саратова, Нижнего-Новгорода, Пензы, Оренбурга. Помню, что от Нижнего-Новгорода было два делегата, рабочие Голубев и Богданов, а от Саратова — Владимир Павлович Милютин и Фокин. Мы с Бубновым условились, что я приеду на конференцию последним для того, чтобы убедиться, есть ли наблюдение за домом, в котором расположена квартира Рабиновича. Конференция была назначена в восемь часов. Я незаметно подошел к месту конференции и, проходя мимо угла квартала, где был расположен дом, заметил какого-то человека, который, взглянув на меня, посмотрел на часы. Против той части квартала, где находилась квартира Рабиновича, был расположен Александровский сад, и вместо того, чтобы итти на конференцию, я прошел в сад, откуда стал наблюдать за квартирой Ра-

биновича. Просидев полчаса, я увидел, что мимо квартиры прошел какой-то субъект, помахивая тросточкой и пристально вглядываясь в окна квартиры (дом был двухэтажный, квартира была расположена в первом этаже). Я подумал, что, может быть, это еще недостаточное количество признаков для установления факта наблюдения за нами. Но, когда этот субъект снова прошел в противоположном направлении, также помахивая тросточкой и также пристально смотря на квартиру, я уже прочно убедился, что конференция провалена.

Что мне делать? Я знал, что у товарищей есть опасные документы. Конференция собиралась главным образом для выработки резолюции против войны. Надо было во что бы то ни стало предупредить товарищей. Я поднялся со своей скамейки, приблизился к решетке сада и в тот момент, когда убедился, что поблизости нет шпиков, бросился в квартиру Рабиновича и предложил всем немедленно разойтись. Но тут я встретил большое сопротивление со стороны товарища Бубнова, который меня обвинил в шпикомании.

— Да тебе все это кажется, все это пустяки.

Убеждать не было времени. Я был здоров, силен и почти насильно выгнал всех из квартиры.

Все это произошло во-время, ибо через час после этого явились шпики.

Повидимому, после моего прихода в квартиру (а мой приход, очевидно, был замечен шпиком), шпик помчался с донесением о том, что конференция собралась и что все в сборе. И поэтому, когда я выгонял всех из квартиры, то кругом шпиков не было.

Благодаря этому удалось Владимиру Павловичу Милютину благополучно попасть на пристань, сесть на пароход и уехать в Саратов. Целому ряду товарищей тоже удалось уйти.

Я в то время работал в ночной смене на трубочном заводе. Ночная смена работала, кажется, от десяти часов вечера до шести часов утра. Как ни в чем не бывало, я пришел на ночную работу. Я запоздал, но товарищи меня отметили, так что никаких следов моего запоздания не было.

Я проработал ночную смену, а утром узнал об обыске у Рабиновича.

Пожалуй, следует отметить следующий эпизод, который я знаю уже по рассказам других. Второй делегат Саратова — Фокин, не веря в мое предупреждение, остался ночевать на квартире Рабиновича и спал в комнате брата его жены. Когда ворвались жандармы, то Софья Григорьевна, жена Рабиновича, решила как-

нибудь спасти Фокина. Она всякими искусными маневрами отвлекла жандарма в другие комнаты, а сама постучалась в комнату Фокина. Никакого ответа. Дернула дверь. Дверь отворилась. Фокин спит. Она начинает его будить — никаких результатов. Кричит у его уха — никаких результатов. Она схватывает его за уши, начинает трясти, и кое-как таким образом ей удается привести его в чувство. Она говорит ему: «Жандармы!» Тогда он в одном белье выскакивает в окно. На улице проливной дождь. В это время жандармы, войдя в комнату, находят раскрытую постель, брюки, пиджак и прочее. Софья Григорьевна начинает ругать своего брата, что он где-то шляется, оставляет незакрытую постель, костюм и т. д. Все это она разыграла так правдоподобно, что жандармы, сделав обыск и не найдя никаких прокламаций и оружия, ушли из комнаты. Вообще они не нашли ничего в квартире Рабиновича, да и не могли найти, потому что перед тем как выставить делегатов из квартиры, я заставил сжечь все резолюции, а некоторые спрятать на чердак, так что их не нашли.

Жандармы ушли. Четыре часа утра. Софья Григорьевна бросается к окну, через которое ускользнул Фокин, и зовет его. Оказывается, он под проливным дождем пробыл три часа на

улице в одном белье, весь вымок и мокрый обратно влез в комнату. Ему дали переодеться, обогреться. Одев прилично Фокина, его направили на пристань, и он немедленно уехал в Саратов. Все остальные участники конференции, в том числе и я, вскоре были арестованы и помещены в самарскую тюрьму.

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

В самарской тюрьме нас всех посадили раздельно. Между прочим я попал в камеру с товарищем Максимовым (недавним председателем Резинового объединения, бывшим членом Московского совета)[1]. Столяр в прошлом, он за время сидения в самарской тюрьме обучил меня столярному ремеслу, и я дошел до такого мастерства, что самостоятельно сделал кушетку, к сожалению (о чем я узнал в самый последний момент), для начальника тюрьмы.

Я был арестован по паспорту Иосифа Андреевича Адамчика. Меня вызывают в жандармское управление. Мой паспорт говорит о том, что я сын крестьянина. Жандарм не верит, подозревает что-то совершенно необыкновенное: он думает, что они поймали какую-то страшно большую щуку, причем не по значению в рево-

[1] Относится к 1930 г.

люционном движении, не это их главным образом интересовало, а по количеству лет, проведенных на каторге.

Полковник Познанский после трех допросов мне прямо откровенно сказал:

— Вы не Адамчик, а вы бежавший с каторги и, следовательно (он сладострастно потирал руки), мы сможем вам влепить несколько лет каторги.

Я иронически улыбнулся и продолжал утверждать, что я сын ссыльного поляка Адамчика и до сих пор занимался сельским хозяйством.

Только после трехмесячного заключения, вызванный в жандармское управление по крайней мере пятый раз, убедившись, что мне никак не могут приклеить 102-ю статью и что дело неизбежно ограничится административной высылкой, я при новом вызове в жандармское управление издевательски сообщил полковнику Познанскому, что я действительно не Адамчик, что я всего-навсего бежавший административный ссыльный по фамилии Куйбышев и что никакой каторги мне не дадут.

Негодованию полковника Познанского не было границ. Он мне кричал:

— Вы врете, мы вас разоблачим!

Я ему спокойно сказал, что, мол, господин

полковник, пожалуйста, не волнуйтесь, возьмите ваши архивы, и вы через пять минут можете убедиться, что есть такой Куйбышев, фотографии которого у вас наверно имеются, и что он был в иркутской ссылке, откуда и бежал.

— Не может быть! Не может быть! — кричал Познанский. Он бросился из кабинета, но через десять минут вернулся с пачкой моих фотографий и с точными сведениями о моей ссылке в административном порядке в Иркутскую губернию, откуда я бежал. Полковник Познанский был страшно разочарован, но ему ничего не оставалось делать, как отправить меня снова в тюрьму. Процесса ему устроить не удалось. Отомстил он мне, пожалуй, только в одном: из восемнадцати человек, арестованных по делу Поволжской конференции, он только в отношении нас четырех добился приговора в туруханскую ссылку на пять лет, тогда как все остальные пошли в иркутскую ссылку, менее суровую, и на три года.

Я, Бубнов, Андронников и Стяжкина были приговорены в туруханскую ссылку, а все остальные—в иркутскую. Я не буду описывать проводов, пересыльных тюрем в Оренбурге, Челябинске, Ново-Николаевске, где меня чуть было не убил конвойный шашкой только потому, что там меня встретила на станции мать.

Все это не относится к рассказу. Рассказ начинается с красноярской тюрьмы, куда нас привели троих: меня, Бубнова и Андронникова. Моя жена была беременна и осталась в самарской тюрьме. Приходим мы в красноярскую тюрьму не раньше, не позже, как 25 февраля 1917 года, абсолютно не зная о том, что делается в Петербурге. Я и Андронников настаиваем на том, чтобы немедленно итти дальше. Бубнов, немного заболевший в дороге, высказывался за то, чтобы остаться в красноярской тюрьме и подождать парохода. Выходило так, что если мы с последней партией не выйдем пешим трактом, то придется остаться до прибытия парохода. Бубнов стоял за пароход, а мы за то, чтобы немедленно итти дальше. В конце концов Бубнов с нами согласился. Вызываем начальника тюрьмы и требуем, чтобы он нас обязательно включил в последнюю партию ссыльных, которая выходит послезавтра. Начальник тюрьмы заявил, что конвойный начальник имеет уже список всех арестованных, которых он поведет послезавтра, что уже поздно подымать этот вопрос, и выкатывается от нас.

Мы требуем прокурора, начальник тюрьмы отказывается вызвать нам его. Мы устраиваем бунт, шумим, стучим скамейками, устраиваем в камере дебош. Наконец, появляется прокурор,

Это было уже 26 февраля. Мы предъявляем ему требование: отправьте нас завтра же с этой партией. Мы не арестованные, мы ссыльные, какое право имеете вы держать нас в тюрьме несколько месяцев? Мы ссыльные Туруханского края, и вы должны послать нас туда.

Вдруг, совершенно для нас неожиданно, прокурор говорит:

— Хорошо. Если вы хотите, завтра же отправляйтесь с партией.

27 февраля 1917 года, когда власть была уже в руках Временного правительства, мы выходим из красноярской тюрьмы утром, чуть свет, часа в четыре, скованные рука в руку с соседом. 27 февраля 1917 года мы выходим из Красноярска и идем на север пешком. Там установился такой обычай: переход в двадцать пять верст, а потом ночевка на этапном пункте, расположенном обычно на околице деревни и имеющем помещение для ссыльных и помещение для конвоя.

Идем мы день, другой, третий, и вот на очередной этапке ко мне обращается конвойный начальник, любознательный мужичок-кулачок. Он очень хотел бы изучить алгебру и геометрию и просит кого-нибудь из нас заниматься с ним по этим предметам.

Я посоветовался с товарищами, и мы реши-

ли — почему не преподавать. В ответ на это он сделал нам некоторые льготы, расковывал нас в пути, давал возможность закупать продукты и т. д. Словом, относился к нам либерально. Заниматься с ним товарищи поручили мне, и на каждой стоянке я занимался с ним по алгебре и геометрии. Пройдя двести верст от Красноярска, 6 марта мы пришли в глухое село, где не было ни почты, ни телеграфа, ни властей, ни ссыльных. Мы пришли в этапку, расположились, и, как всегда, сейчас же начались веселье, отдых, чай, закуска, разговоры, анекдоты, смешки и прочее. Политических нас было человек восемь: три по нашему процессу, а остальные по другим процессам. Уголовных было человек пятнадцать. Мы на этапке всегда разбивались так: на одной наре восемь политических, а на другой—пятнадцать уголовных. Мы, политические, ликуем, нас расковали, мы пьем чай, едим колбасу. Бубнов смешит нас, весело. Вдруг ко мне подходит конвойный солдат:

— Господин Куйбышев, вас требует начальник конвоя.

Я решил, что это по поводу моих занятий с ним, и говорю:

— Вот выпью чай и приду.

Прошло несколько минут. мы пьем чай, бла-

женствуем. Снова возвращается конвойный и говорит:

— Начальник конвоя требует вас немедленно.

Я рассердился: что, я обязан заниматься? Хочу — занимаюсь, хочу — нет.

— Скажите, что я не нанялся заниматься с ним, кончу чай и приду.

Солдат снова уходит, а через полминуты возвращается и говорит:

— Господин Куйбышев, вас господин начальник просит не для занятий, а немедленно притти.

Не понимая, в чем дело, иду в караульное помещение: длинный стол, во главе сидит конвойный начальник, солдаты расселись вокруг стола. Конвойный начальник держит какую-то длинную бумажку, как будто извещение о войне, и говорит мне:

— Прочтите и разъясните.

Я беру эту бумагу в руки и начинаю читать. Вдруг вижу: «Временное правительство. Министр юстиции Керенский. Амнистия политическим». Я бросаю бумагу и хочу бежать, чтобы сообщить товарищам, но меня сзади схватывают за руки и кричат:

— Объясни!

Я говорю:

— Товарищи, что же объяснять? Произошла

революция, мы свободны, мы амнистированы. Все политические амнистированы. Чего же еще объяснять?

— Нет, ты прочитай и объясни, без этого мы тебя не выпустим отсюда.

Мне самому было интересно прочесть всю листовку. Я прочел ее им и говорю:

— Вот видите, мы свободны.

Начальник конвоя, с которым я занимался и который обучался только для того, чтобы стать еще большим кулаком, мне говорит:

— Ну, хорошо, ты иди, только никому ничего не говори.

Я рассмеялся и спрашиваю:

— Что, вы с ума сошли?

— Расскажешь?

— Конечно, расскажу.

— Ну, хорошо, но только имей в виду, что если вы попытаетесь принять какие-нибудь меры к побегу, я применю оружие.

— На каком основании? Какое ты имеешь право?

— Я присягал царю, и, пока не буду убежден в том, что действительно царь свергнут, до тех пор я вас не отпущу, а если попытаетесь бежать, то я применю вооруженную силу.

Я ему говорю, показывая на листовку:

— Вот же доказательство.

— Нет, может быть, это прокламация.

— Какая же прокламация, смотри, напечатана в типографии енисейского губернатора.

— Пока я окончательно не буду убежден, что власть свергнута, до тех пор я вас не отпущу. Я присягал царю.

— Как хочешь,—говорю и бегу к товарищам.

Солдаты были настроены иначе, смотрели на меня как-то выжидающе. Чорт их знает, может быть, они даже не стали бы стрелять, но трудно было это решить.

Я бегу к себе. Ребята попрежнему спокойно сидят и пьют чай. Я кричу им:

— Товарищи, революция!

Они на меня посмотрели, а потом раздался общий смех.

— Вот здорово! Ты утки пускаешь!

— Да, товарищи, революция!

Снова взрыв хохота:

— Ну, как ты правдоподобно врешь!

Наконец, я со слезами в голосе кричу:

— Товарищи, революция произошла!

И вдруг все поверили. Это был неповторяемый момент: все встали и торжественно запели «Марсельезу», а потом Бубнов произнес речь. Он говорил всего три минуты, но эта речь, страшно горячая, лилась от сердца, от души. После речи он спрашивает:

— В чем дело?

Я рассказал о телеграмме.

Во время нашего пения «Марсельезы» вошли конвойные солдаты. Обыкновенно петь запрещалось, но они не прервали нашего пения.

Мы начинаем обсуждать, как быть. Мы свободны, мы амнистированы. Может быть, это не касалось уголовных, но мы административно-ссыльные, мы наверняка свободны.

Вызываем начальника конвоя, объясняем. Он упирается:

— Я не знаю, может быть, власть сменилась. Я буду всякой власти служить, но я присягал царю, и, пока не буду окончательно убежден в том, что царь свергнут, я не могу вас освободить, а если вы попытаетесь уйти, я приму меры вооруженного воздействия.

Мы говорим:

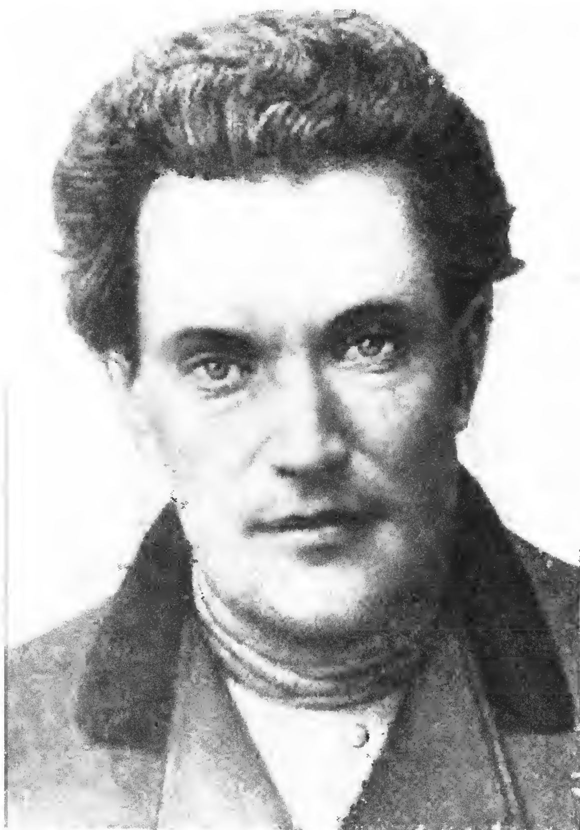
— Отправляйтесь прочь, мы сами будем обсуждать свое положение!

А оно таково: мы находимся в такой глухой деревушке, что до следующего села, где имеются телеграф, почта и волостной старшина, надо итти два дня, т. е. пятьдесят верст. Как быть? Если мы попытаемся силой освободиться, то, может быть, половина из нас будет убита, а между тем через два дня мы и так будем свободны.

И вот, зная, что мы уже свободны, мы на следующее утро позволили заковать себя в кандалы и двинулись. Ночевка еще в одной этапке. Это уже была невеселая ночевка. У каждого было плохое настроение. Подходя к селению Казачинскому, мы версты за две до села увидели демонстрацию, идущую нам навстречу с красными флагами. Впереди идет Клавдия Николаева, в правой руке она держит красный флаг, а в левой—ребенка.

Демонстранты шли освободить нас. Но начальник конвоя заявляет, что за малейшую попытку освободить нас он будет стрелять. Хотелось дать ему по морде, но это не было решением вопроса, потому что кто-нибудь был бы убит. Конвойный снова запер нас в этапку на большой замок и пошел узнавать, действительно ли царская власть свергнута и пришла новая власть. Заходит он в волостное правление и видит, что перед столом волостного старшины висит не царский портрет, а портрет какого-то волосатого мужчины: это был портрет Карла Маркса. За столом сидит молодой парень с красным бантом, а не старый бородатый дядя. Посмотрев на все это, он плюнул, бросил ключ на пол и ушел. Уборщица подняла ключ и, не зная, откуда он, положила его на окно.

Мы сидим взаперти и надеемся, что нас кто-

В. В. Куйбышев в Самаре (1919 г.)

нибудь отопрет. Проходит час, полтора, два,— никто не приходит, и только часа через три какой-то гвардеец открыл нам дверь. Мы стали свободны. Публика знала, что среди нас есть Бубнов и Куйбышев, и собрала большой крестьянский митинг. Было тысячи три народа. Мы с Бубновым выступали, причем,— что особенно поразило ссыльных,— мы выступали против войны. До этого никто там не решался об этом говорить.

Во время своей речи я вижу, что вдали в степи стоит начальник конвоя и исподлобья мрачно смотрит на то, что у нас происходит. Во время речи я не мог его арестовать, а когда кончился митинг, я попытался его найти, но это не удалось, а ждать у меня не было времени. Мы с Бубновым из своих пальто выпороли зашитые в швах деньги, наняли подводы и покатили в Красноярск. Путь, пройденный нами с 26 февраля по 8 марта, мы проехали в течение двух дней. 10 марта мы были в Красноярске, где на площади произнесли речь против войны. Тогда были в ссылке некоторые большевики, у которых было настроение за поддержку войны.

Я хочу рассказать один интересный эпизод, который произошел в Самаре, где в тюрьме была моя жена.

Приехал я в Самару 16 марта и узнал, что революция докатилась до Самары только 3 марта.

3 марта в десять часов утра толпа подходит к тюрьме для того, чтобы освободить политических, врывается в тюрьму, врывается в камеру моей жены и находит ее в родильной горячке. Оказывается, час тому назад, без всякой врачебной помощи, она родила ребенка, который валялся у ее ног, и толпа, ворвавшаяся, чтобы освободить ее из неволи, нашла ее в родильной горячке, а ребенка задыхающимся. Вызвали доктора Близнянскую. Она потом говорила, что если бы она прибыла десятью минутами позже, то погибли бы и мать и ребенок.

Революция спасла мне жену и оставила жить моего сына, который сейчас уже пионер.

ПОД МАСКОЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Вскоре после взятия власти в Самаре, пожалуй, даже в первую ночь, я вместе с остальными членами Революционного комитета был занят воинскими частями, их настроением и разоружением казачьего полка и идущих мимо Самары эшелонов. Завоевав совет рабочих депутатов, нам нужно было обеспечить за собой самарский гарнизон, и вот в эту бессонную ночь вдруг

приходит вестовой и сообщает, что в одном из районов взорвалась бомба.

Я послал товарища проверить, где взорвалась бомба.

Сообщение было исключительное: какой-то человек, забравшись в уборную, стоявшую на отлете одного дома на окраине города, уронил бомбу, которая взорвалась, слегка ранив его.

Случай комический, но для только что организовавшегося правительства было естественно полюбопытствовать: откуда бомба, почему в эту ночь человек вышел с бомбой и какой политический смысл в этом деле.

Мы арестовали этого человека. На все вопросы он лепетал в ответ что-то совершенно несообразное, понять ничего нельзя было, так как он плохо владел русским языком.

Решили оставить его в тюрьме впредь до того, как он скажет что-либо ясное. Не прошло и двух часов, как ко мне в кабинет Революционного комитета, откуда я еще не ушел, хотя было три-четыре часа ночи, явился какой-то человек, назвавший себя Д. и требующий со мной немедленного свидания.

Через вестового я потребовал от него ответа, по какому делу он хочет меня видеть, и узнал, что по поводу взрыва бомбы. Я собрал группу товарищей и предложил обезоружить предвари-

тельно этого человека, а потом допустить его ко мне.

У него оказались в двух карманах бомбы, в третьем — наган и в четвертом кармане пиджака—браунинг.

Д. сравнительно легко и без возражений отдал обе бомбы и наган, но начал умолять обыскивающих оставить ему браунинг, однако, следуя точной инструкции, обыскивающие отняли у него все. Когда Д. вошел ко мне в комнату, то он прежде всего заговорил о браунинге, который почему-то я должен был ему вернуть. Он говорил о долге чести, о том, что этот революльвер ему подарен каким-то товарищем, что потерять его бесчестно.

Я постарался перевести разговор на тему, по поводу которой он пришел ко мне.

— Что вы можете сказать,—спросил я,— по поводу взрыва бомбы?

— Отпустите этого человека, он не виноват, я дал ему бомбу и приказал отнести в такое-то место. Он не виноват, что у него расстройство желудка, и он, мерзавец, уронил бомбу.

— А почему вы ему дали бомбы и именно в ночь, когда мы взяли власть в Самаре?

— А потому, что я старый революционер.

— Странно.

— Я большевик.

— Тем более непонятно. Ведь большевистская власть существует в Самаре с февраля месяца. Почему вы не явились в партию?

— Я не верил, что большевики возьмут власть, а я большевик. Теперь, когда вы взяли власть, я решил все оружие, которое я имею, сосредоточить в одном складе и передать вам.

— Ну, ладно, допустим так. А скажите, пожалуйста, где это самое оружие, которое вы хотите передать нам, и почему оно у вас?

— Вы не поймете меня. Я торговал оружием и большие склады припас для большевиков. Я больше покупал, чем продавал его. У меня шесть складов оружия, и я все их передаю вам.

— Непонятно, почему вы не пришли к нам в апреле, в мае или в сентябре. Нам же пригодилось бы это оружие. Ну, хорошо,— говорю я.— Я вас не знаю, правду вы говорите или неправду, об этом мне трудно судить. Пока вы нам не откроете все шесть складов оружия, до тех пор я вас не освобожу.

— А как открою, освободите?

— Освобожу.

— А браунинг возвратите?

— Возвращу.

Он раскрыл шесть складов оружия. Что это было: простая торговля оружием или действительно было идейное сохранение его для нас,

большевиков,— трудно было разобраться, но шесть складов оружия он нам раскрыл.

Я дал ему свободу, вернул браунинг, и у меня не было основания раскаиваться в этом, потому что он вскоре проявил себя с очень хорошей стороны по части охраны города, борьбы с бандитизмом, а кроме того он проявил себя неустрашимым, твердым человеком, вступил в партию, и вскоре, не помню когда, в декабре или в январе, мы его назначили начальником охраны города, настолько этот Д. вел себя хорошо.

В Самаре был губернаторский дом, и естественно, что в нем сперва помещался эсеровско-меньшевистский комитет народной власти, когда же мы, прогнав меньшевиков и эсеров, взяли власть, там же поместился Революционный комитет. Охранялся он в то время дружиной максималистов, с которыми у нас был блок против эсеров и меньшевиков.

Однажды, в декабре 1917 года, во время заседания ревкома, мы вдруг услышали какой-то неописуемый грохот. Электричество погасло, здание потряслось, раздались выстрелы, а потом начался пожар.

Оказалось, что все соседнее крыло здания взлетело на воздух и случайно уцелел тот участок здания, где мы заседали. Выстрелы произошли потому, что один из участников заседа-

ния вообразил, что бомба брошена в наше здание, и начал вдруг палить, а другой участник получил пулю в плечо и тоже начал палить. Произошла сумятица, электричество потухло, начался пожар на лестнице.

Мы работали во втором этаже и при помощи веревки спустились вниз. Как потом выяснилось, лестница, по которой я за две минуты до взрыва поднялся наверх, оказалась полностью разрушенной.

Почему произошел взрыв? Внизу была дружина максималистов, которая, как пристало максималистам, любила играть с бомбами, развлекаться оружием и т. д. У нее был большой склад бомб, и этим воспользовался один кадет, который подкрался к окну и бросил маленькую бомбочку в склад. Она взорвалась и повлекла за собой взрыв всего, что было у максималистов, разрушив три четверти здания. Случайно мы остались живы, находясь рядом.

Чехи берут Самару. Мы отступаем к Симбирску. Д. участвует в обороне и прикрывает отступление.

Д.— герой. Д. даются самые ответственные поручения.

Нелепостью нашего положения в Симбирске было то, что мы неизбежно должны были пропускать пароходы, идущие на Астрахань, ибо

на них схали десятки тысяч людей. Мы не могли задерживать их в Симбирске, потому что не могли их накормить и удовлетворить все их потребности. По тем же причинам мы не могли задерживать пароходы, идущие из Астрахани через занятую чехами Самару.

Правда, в таком же положении была и чехословацкая Самара. Чехи принуждены были пропускать наши пароходы, идущие в Астрахань и из Астрахани, и совершенно очевидно, что они сажали на них своих шпиков и диверсантов. Очень ответственной задачей для нас было обыскивать пароход, идущий, скажем, из Астрахани. Пароход идет из Астрахани, прошел Саратов и чехословацкую Самару. Значит на этом пароходе имеется огромное количество шпионов, имеются диверсионные поручения, имеется оружие, имеется золото для подкупа.

Д. было поручено вместе с его дружиной человек в тридцать обыскивать все пароходы, проходившие мимо нас. На первый взгляд все обстояло благополучно, нам докладывали, что нашли таких-то шпионов, контрразведку, террориста и прочее.

Но вот однажды мы получаем сообщение, что пришел пароход. Д. его обыскал, нашел там купцов с большим количеством золота и это золото разделил по своей дружине.

Не верится, но сообщение подтверждается. Что делать? Пришлось вызвать красноармейскую часть и произвести обыск во всей дружине Д.

Спросили и Д., в чем дело.

— Мы взяли эти деньги для того, чтобы, как падет советская власть, начать партизанское движение.

— Когда падет советская власть?

— Да. Как же, чехи берут один город за другим, доберутся до нас. Когда падет советская власть, наша дружина будет бороться.

— Ну, пожалуйте, голубчики, в тюрьму! — забрали всех.

Собрал я Революционный комитет в Симбирске, обсудили дело и постановили: расстрелять Д. и всю его дружину. Но в это время случилось следующее обстоятельство: Симбирск, в котором мы в то время находились, начал атаковываться с двух сторон — с юга через Сенгилей и с востока. Чехи в это время уже взяли Мелекес. Симбирск висит на волоске. Все зависит от того, насколько будет крепок технически наш противник, а с другой стороны—насколько будут дисциплинированы наши части. Но о дисциплине в наших частях можно было в то время только мечтать. Примером дисциплины был случай с Д.

Чехи воодушевлены достигнутыми победами — они взяли Самару, взяли Сенгилей, взяли Сызрань, взяли Мелекес и подходят к Симбирску. Симбирск для них опорный пункт дальнейшего движения на Москву, и они с большим энтузиазмом идут на Симбирск. Надо было во что бы то ни стало этому воспрепятствовать.

Обсуждаем мы в штабе, как быть, что делать. Решили, что надо послать какую-либо крупную партизанскую группу и тем воспрепятствовать дальнейшему движению чехов на Симбирск. Но для этого нужны смелый, отважный человек и очень смелая бригада.

И вот в Реввоенсовете I армии мы обсуждаем вопрос, кого послать. Я предлагаю послать Д. с его отрядом.

— Как? Да мы только что приговорили их к расстрелу!

— Мало ли что. Но кого вы противопоставите по смелости, по отваге этой бригаде? — ответил я.

Назывались имена, но все они не шли в сравнение с тем, что мог сделать Д.

— Как же быть с их расстрелом?

— Пусть этим путем они искупят свою вину.

Едем в тюрьму. Я теперь не помню точно, кто был со мной тогда. Вызвали Д. в кабинет начальника тюрьмы. Я ему рассказываю о соз-

давшемся положении и предлагаю: если ты хочешь жить, то взорви путь в тылу наступающих чехов. Вдруг я получаю такой бессмысленно-гордый ответ:

— Я свою жизнь не покупаю.

Мы все рассмеялись. Я ему объясняю, что дело не в покупке жизни, а в том, что он завтра будет расстрелян, если не искупит свою вину спасением Симбирска. Он потребовал совещания со своими товарищами. Чувствовалось, что он соглашается. Мы разрешили ему свидание с товарищами. Через некоторое время он приходит и говорит:

— Я вас правильно понял, что жизнь будет дарована не только мне, но и моим товарищам?

— Конечно, и всем вашим товарищам.

Д. был специалист подрывного дела, мы дали ему помощника, точно указали, где и когда они должны произвести взрыв, выпустили всех из тюрьмы и в течение десяти минут отправили туда.

К сожалению, Симбирск был взят до того, как Д. успел взорвать путь.

Взрыв не произошел. Взят Симбирск, взята Казань, Самара продолжала оставаться в руках чехов. Мы комплектовали армию в Инзе, чтобы взять Симбирск. В конце концов берем Самару, берем Оренбург, расчищаем путь между Рос-

сией и Туркестаном, сносимся с Туркестаном по уцелевшему от дутовцев проводу.

Вскоре членом Реввоенсовета я приехал в Туркестан.

У меня не было основания преследовать и казнить Д. за совершенное им некогда преступление, и потому я и Фрунзе послали его драться с басмачами.

Когда мы брали власть в Самаре, одним из сильных противников был некий эсер К. Он кончил агрономический институт, обладал даром речи и был злейшим врагом большевиков. Сила его заключалась не только в аргументах во время дискуссии, но в том, что он умел организовать массы. Хотя еще до Октября мы уже владели советом рабочих депутатов, но почти не могли проникнуть ни в совет крестьянских депутатов, ни тем более в совет солдатских депутатов, членом которого был К.

Мы взяли власть, предварительно завоевав совет солдатских депутатов, и вышибли оттуда эсеров и меньшевиков, само собой разумеется и К.

Когда мы взяли власть, кое-кто сдрейфил и перекинулся на нашу сторону, кое-кто удрал из Самары, а кое-кто просто превратился в обывателя. Но этого не случилось с К. Он, верный

своим контрреволюционным идеям, ушел в подполье и начал нелегальную отчаянную борьбу с советами.

Приходят чехи. В нашей борьбе с чехами К. сыграл роковую для нас роль.

Во время артиллерийской бомбардировки, в то время, когда сотни красногвардейцев гибли на реках Самарке и Волге, К. помогал чехам изнутри путем пулеметного и ружейного обстрела важнейших наших штабов в тот момент, когда чехи входили в Самару.

Мне едва удалось уйти из Самары, меня пулеметами обстреливали люди К., меня хотели схватить разъяренные против большевиков обыватели. Рядом со мной рвались снаряды чехов. Уйти все-таки удалось. Я ушел не один, ушел с руководящей группой большевиков.

Наш штаб обосновался в Симбирске, мы сколотили кое-какие отряды, которые противостояли наступающим на Симбирск чехам.

Я вспоминаю: есть такой городок Сенгилей между Сызранью и Симбирском. Этот город был в наших руках, а нижележащее село было захвачено чехами. Мы еще не успели порвать связь между этим селом и Сенгилеем. Вдруг мне на квартиру ночью сообщают, что из этого занятого чехами села меня телеграфно вызывает К. Я подхожу к телеграфу:

— Кто у телеграфа?

— Корнет К. Кто со мной говорит?

— Коммунист Куйбышев. Что вам угодно?

Речь К.:

— Твои красноармейцы обрезали уши двум моим солдатам, которых мы нашли на поле сражения. Имей в виду, что за это ты ответствен, и если ты сейчас не прикажешь своим войскам прекратить борьбу, то ты будешь подвергнут суду народа.

Я ему ответил:

— Я шел к телеграфу в предположении, что ты хочешь сдаться. Если у тебя нет более интересной темы для разговора, то разговор совершенно излишен. Я не знаю, какие там красноармейцы и каких солдат оставили без ушей. Я знаю, что вы в застенках Самары каленым железом пытаете наших большевиков. Я предлагаю тебе сдаться. Единственный ответ, который меня может удовлетворить, это утвердительное да, или я рву провод.

В ответ К. начал ругаться. Я рву провод.

Затем я очень долго не имел никаких сведений о К. Мы взяли Самару и взяли Симбирск, прогнали противника до Урала. По газетным сведениям я узнал, что корнет К. произведен в какой-то большой чин, причем он, в отличие от других эсеров, удержался у Колчака и, ког-

да Авксентьев, Зензинов полетели за границу, К. пользовался всеми благами колчаковского владычества и получал чины и ордена.

Для меня это был человек конченный и не только идейный противник, но и колчаковец, враг, отдавшийся грубо и цинично помещичьей и самодержавной власти.

Прошло два года. Я уже побывал и в боях с Колчаком на Урале, и в Астрахани в боях с войсками Деникина, и был перекинут на Туркестанский фронт.

Оренбургское казачество, которое восстало, было раздавлено, Дутов изничтожен, пробка между Россией и Туркестаном ликвидирована. Организуется Туркестанская комиссия, назначенная ЦК партии и ЦИК. Членами этой комиссии были Фрунзе, Куйбышев, Голощекин и др.

Первым поездом через прорванную пробку мы едем в Туркестан. Кажется, были все, кроме Фрунзе, который задержался в Самаре.

Вдруг однажды ночью мы обнаруживаем, что наш поезд стоит в степи. Мы посылаем курьеров, которые тоже следовали с нашим поездом, вперед к штабу дивизии, который стоял на ближайшей станции, с требованием объяснить, в чем дело. Приблизительно через час к нам является начальник дивизии. Страшно расте-

рянный, он сказал, что остановил наш поезд потому, что близко от следующей станции прошел какой-то большой отряд со всеми видами оружия: была слышна артиллерия, кавалерия и пехота. Он расположился недалеко от полотна железной дороги. Причем уже после того, как начальник дивизии остановил наш поезд, он получил письмо от начальника этого отряда. Письмо приблизительно гласило следующее:

«Начальнику красной дивизии.

Я, корнет К., вышел из гражданской войны. Я отныне отказываюсь служить Колчаку, т. е. помещикам и капиталистам, а с другой стороны, я отказываюсь служить самодержавию и комиссарам. Никакая сила не втянет меня в гражданскую войну.

Белые и красные, пытаясь втянуть меня в эту борьбу, встретят такой отпор, что они поймут невозможность своих намерений. Если вы попытаетесь меня атаковать, я покажу силу моего отряда, испытанного неоднократно в десятках боев.

Я следую в Гурьев (город на берегу Каспийского моря). Считаю, что вам осторожнее и выгоднее меня не трогать на моем пути. Корнет К.».

Растерянный начальник дивизии не мог нам ничего посоветовать, да и, пожалуй. мы в этом

совсем не нуждались. Совершенно естественно, что единственным ответом могло быть — атаковать немедленно отряд К. Это распоряжение и было сделано начальнику дивизии.

Я выехал в Туркестан, у меня было достаточно дел, чтобы забыть о К., но целый ряд событий снова заставил меня вспомнить об этом человеке.

Что было с ним после нашей встречи на пути в Туркестан? Уже из других источников я узнал, что К. прошел в Гурьев, где было большое сосредоточение казацких войск, враждебных советской власти. Он принужден был со своим отрядом — до десяти тысяч человек — пойти из Гурьева против Астрахани, находившейся в руках советской власти, но был разбит так же, как были разбиты казачьи уральские части, и вместе с ними отступил от Гурьева по побережью Каспийского моря и попал в форт Александровск. Из его десятитысячного отряда в Александровск дошло четыре тысячи человек, а шесть тысяч погибли от голода, зноя, жажды и тифа.

В форте Александровске К., будучи сильным и ловким человеком, захватил пароход, предназначенный для деникинских частей, причем, по рассказам, этот захват стоил ему половины его людей.

С двумя тысячами человек, захватив пароход, он через Каспий переправился в Дербент, оказавшийся к этому времени в руках советской власти.

Через некоторое время после этого в газете «Известия ЦИК» появилось пространное письмо за подписью К., в котором он отдавал себя и весь свой отряд в распоряжение коммунистической партии.

Я прочитал это письмо в Туркестане, и вдруг мне показалось, что если письмо помещено, то может случиться, что К. будет принят в партию.

Между тем, кроме тех преступлений, о которых я писал выше, К. было совершено бесчисленное количество преступлений против рабочего класса. Достаточно указать, что перед выездом из Самары, приблизительно за месяц, восставшие рабочие Иващенкова (поселок в сорока верстах от Самары) были беспощадно расстреляны карательным отрядом во главе с К., причем погибло много рабочих.

Я вместе с Фрунзе, который меньше меня знал К., из Туркестана послал протест против факта напечатания письма К. и специально в ЦК характеристику контрреволюционной работы К., с тем, чтобы предупредить возможность принятия его в партию.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ГУДОК

В 1919 году я был членом Реввоенсовета XI армии в Астрахани. Операции XI армии шли на запад и на восток вдоль берега Каспийского моря. На западном участке фронта предстояла большая операция. Я выехал на позиции. Войска наши были расположены в селении Михайловка. Противник — верстах в тридцати от нас, в селении Ендаковка. Борьба на этих позициях продолжалась уже давно. Задача заключалась в том, чтобы выбить противника во что бы то ни стало из Ендаковки.

Штаб группы разработал план наступления, и наши части двинулись на рассвете в бой. Но мы не рассчитали наших сил и сил противника, и неприятель не только отбил нашу атаку, но сам перешел в контратаку, и нам пришлось перейти к обороне позиции у Михайловки. Противник, очевидно, получил подкрепление свежими силами, которые мы не учли, начиная бой, и вел атаку страшно ожесточенно. Красноармейцы дрались, как львы. Я был на первой линии огня и наблюдал героическое поведение наших частей, тем не менее чувствовалось, что нам не удержать занятой позиции. Через некоторое время пришло донесение о том, что кавалерия противника обходит нас с тыла. Коман-

дующий группой отдал приказ об отступлении и об очищении Михайловки. Я дожидался, когда отступала передовая цепь, и, сев в автомобиль, захватил с собой несколько раненых.

За селом Михайловкой протекала маленькая речка. Единственный мост через эту речку уже подвергся артиллерийскому обстрелу противника и был разрушен.

Шофер рискнул переехать через речонку. Берег по ту сторону речки был ниже берега с нашей стороны. Разогнав машину, он действительно очутился на той стороне речонки, но от сильного удара о противоположный берег лопнули камеры задних колес. Запасных камер не оказалось, и дальше мы поехали на голых ободьях колес.

Пески. Машина часто застревала, мы ее вытаскивали с помощью отступающих красноармейцев. Надо было спешить, ибо конница противника вот-вот могла нагнать нас. Попался кусочек твердого грунта. Мы проехали, повидимому, лишь версты две, обогнав отступающих, как снова машина застряла. и мы своими силами вытащить ее не смогли. Мимо нас проезжала санитарная двуколка, переполненная ранеными. Мы дали задание красноармейцу, сидевшему на двуколке, прислать нам человек тридцать красноармейцев из первой настигнутой им

части. Тем временем нам удалось вытащить автомобиль, но, пройдя еще несколько метров, машина еще глубже засела в песок.

Через полчаса подошли красноармейцы; ворча и ругаясь, они тем не менее помогли нам вытащить машину. Дело было, конечно, не в машине: дело было в шести раненых, которые не могли итти пешком и которых мы не могли разместить в обогнавшей нас двуколке.

Вытащив машину, которая пошла крайне медленно, осторожно нащупывая путь, красноармейцы ушли вперед быстрым шагом.

Мы остались снова одни. В машине были я, мой адъютант, два шофера и шесть раненых. Через некоторое время машина снова застряла, причем настолько прочно, что было безнадежно ее вытаскивать. На наше счастье, нас нагнала запоздавшая подвода нашего обоза, в которой удалось разместить четырех раненых. Осталось двое раненых — один в руку, другой в грудь, которые кое-как могли итти. Мы решили бросить машину и итти пешком.

Машина была очень хорошая, системы «Паккард», за которой шоферы ухаживали, как за живым существом. Несмотря на фронтовые условия работы, они содержали ее в абсолютной чистоте, и она всегда выглядела, как игрушка.

Нужно было видеть горе этих шоферов, кото-

рым приходилось расставаться со своим любимым детищем. Один из них воскликнул:

— Ни в коем случае не отдадим машину в руки противнику! Нужно ее поджечь.

Облили всю машину бензином и, для того чтобы разрушение было более основательным, положили в мотор две ручные гранаты. Один из шоферов поджег машину.

Мы прошли уже с четверть версты, а может быть, и больше, как вдруг услышали звук сирены нашего автомобиля. Мы остановились как вкопанные, недоумевая, в чем дело.

Шоферы вдруг зарыдали и бросились на землю. Мы с трудом смогли получить от них объяснение: соединились, будучи расплавлены огнем, провода сирены.

Машина долго, протяжно гудела, как бы прощаясь с жизнью.

Долго плакали шоферы о своем любимом детище.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ДНИ

В начале 1920 года я, будучи членом Реввоенсовета Туркестанского фронта, был командирован из Ташкента в Закаспий для того, чтобы форсировать операции на Закаспийском фронте против деникинцев, которые там орудо-

вали уже в продолжение нескольких месяцев. Происходил своеобразный танец на месте вдоль линии железной дороги: то противник занимал станцию Кизыл-Арват, то эта станция бралась нашими войсками. Борьба шла лишь по тоненькой полосе вдоль линии железной дороги, так как кругом были непроходимые безводные пески.

К моменту моего приезда в Кизыл-Арват штабом Закаспийского фронта уже был разработан план захода противнику в тыл. Инициатором этого плана был товарищ Паскуцкий. Операция была необыкновенно сложная: надо было по голой пустыне провести большое количество войск, и абсолютно все нужно было брать с собой — снаряды для артиллерии, патроны, продукты и даже воду, потому что кругом не было ни одного источника, ни одной капли воды.

Больше того, корм для лошадей и верблюдов надо было везти с собой, так как в пустыне не было ни травинки. Это безмерно увеличивало наш обоз. Требовались тщательные подсчеты количества верблюдов, лошадей, количества необходимой воды, корма для животных. Нормы питания людей и лошадей были взяты очень жесткие, и все же выходило, что при огромном обозе мы можем взять с собой воды и пищи для

людей и корма для животных всего лишь на четыре дня. Иными словами, всего этого хватило бы только на путь в один конец, так как заход в тыл противника требовал четырех дней пути. Отсюда понятна опасность операции: в случае неудачи мы все должны были погибнуть в пустыне, так как на обратный путь у нас не оставалось бы ни пищи, ни воды, ни кормов для лошадей и верблюдов. Это делало подготовку к операции крайне ответственной.

Товарищ Паскуцкий и весь штаб ночами просиживал над выработкой всех деталей этой экспедиции, так как самая незначительная мелочь, не предусмотренная в плане, могла погубить все дело.

Наконец, все было разработано, отряд скомплектован, и однажды, на рассвете, мы двинулись в глубину пустыни.

На станции Кизыл-Арват остался отряд, который получил задание в определенный день, когда мы будем атаковывать противника на станции Айдын, выступить вперед по линии железной дороги и атаковать передовые части противника.

В нашем отряде, вышедшем в тыл противнику, было четыре тысячи лошадей, у нас были все виды оружия: две батареи артиллерии, конница, пехота, огромный обоз. Мы шли четверо

В. В. Куйбышев в годы гражданской войны

суток. Шли день и ночь, так как судьба операции заключалась в ее быстроте. Если бы противник как-нибудь обнаружил нас, то гибель всех нас была бы неизбежна.

Условия пути были кошмарные, особенно днем: стояла невыносимая жара, температура доходила до шестидесяти градусов, воды мало, на каждого полагалось в день лишь по три стакана — нельзя было не только освежиться водой при этой температуре, но даже полностью утолить жажду. Особенно в кошмарных условиях была пехота: несмотря на большие обозы, мы не могли разместить всего по вьюкам на лошадях и верблюдах, и многие вещи красноармейцы несли на себе.

Я помню такой эпизод. Один красноармеец свалился от изнеможения и адского солнцепека, и его товарищ для освежения полил лицо его мочой, что значительно укрепило этого красноармейца, ставшего снова в ряды.

В конце четвертых суток мы очутились около безлесной песчаной горы, за которой находилась станция Айдын. Нам нужно было обойти эту гору и выйти на линию железной дороги.

Была ночь, часов двенадцать. Удар мы решили нанести на рассвете.

Таким образом у нас оставалась пара часов для передышки. Мы остановились бивуаком,

подкрепили свои силы последними остатками воды и пищи и только что начали собираться в последний поход, как вдруг увидали спускавшихся с горы конных разведчиков неприятеля. Их было человек пять. Ничего не подозревая, они спустились до половины горы. Нам ничего не оставалось делать, как отправить им вслед кавалерийскую разведку, которая перехватила бы их и не дала возможности противнику обнаружить нас. Десять лихих разведчиков помчались наперерез разведке неприятеля. Мы с большим напряжением наблюдали в бинокли эту сцену и к ужасу своему увидели, что разведка неприятеля заметила погоню и быстро начала удаляться за гору. У них были, конечно, все преимущества: свежие лошади давали им возможность уходить со значительно большей быстротой, чем шла наша погоня. Расстояние между ними росло, и в конце концов разведка неприятеля скрылась из наших глаз.

Настроение отряда сильно поколебалось. Противник не будет уже застигнут врасплох. Он будет иметь возможность подтянуть силы из Красноводска с одной стороны, с передовых позиций — с другой и дать нам очень сильный отпор. А это означало нашу гибель. Тем не менее не оставалось другого пути, и первое, что надо было сделать, — это немедленно взор-

вать путь и телеграфную связь как впереди станции Айдын, так и в тылу. Немедленно две группы разведчиков были направлены для выполнения этих задач. Я поехал с группой разведчиков, которая была направлена в тыл противника. До линии железной дороги мы домчались в течение трех часов. Было совершенно очевидно, что разведка противника, обнаружившая наш отряд, могла достигнуть своего штаба значительно раньше. Тем не менее оказалось, что на линии железной дороги, в тылу станции не было никакой охраны. Нам легко, без всякого сопротивления, удалось взорвать и железнодорожный путь, и телеграфную связь, тем самым прервав возможность сношения штаба деникинской дивизии с Красноводском.

Как потом выяснилось, другой разведке, которая должна была взорвать путь впереди станции Айдын, не посчастливилось. Она наткнулась на большой отряд, охранявший железнодорожный путь. Таким образом с передовыми своими позициями штаб деникинской дивизии сохранил связь.

Вскоре подошли наши части, которые, перевалив через большую гору, отделявшую наше становище от станции Айдын, сосредоточились на маленькой возвышенности непосредственно около станции. Для нас было непонятно отсут-

ствие каких бы то ни было приготовлений противника для обороны против нашего наступления.

Мы начали громить станцию Айдын и все эшелоны, стоявшие в ее районе, из артиллерии. Повели наступление пехотой, оставив кавалерию в резерве для того, чтобы использовать ее в нужный момент.

Противник начал проявлять себя только после того, как засвистели наши пули, загремели наши снаряды. У противника началась было паника, но она скоро была приостановлена, и противник очень скоро начал отстаивать каждую пядь своей позиции. Однако перевес явно склонился на нашу сторону, мы подвигались все ближе и ближе, кольцом охватывая станцию Айдын. Вдруг мы заметили, что с передовой позиции, в подкрепление противнику, идут два бронепоезда и большой эшелон пехоты.

Противник, умело высадившись, прямо из вагона бросился на наш правый фланг. Был такой момент, когда наш правый фланг немного дрогнул, но умелым маневрированием наших сил командование группы предотвратило отступление правого фланга, и, в конце концов, после ожесточенного боя мы приблизились к станции Айдын настолько близко, что из пушек в упор расстреливали противника.

Наконец, наступил момент, когда противник побежал. С горки было видно, как противоположная часть пустыни, совершенно ровная, как скатерть, начала усеиваться огромным количеством бегущих людей. На этой же ровной скатерти мы заметили маленький конный отряд человек в десять, убегавший с поля сражения. Как потом выяснилось, это был генерал Литвинов, командующий дивизией противника, со своим конвоем. Мы пустили свою кавалерию, которая усыпала скатерть пустыни огромным количеством убитых и раненых. К сожалению, она не сумела догнать отряд генерала Литвинова, мчавшийся на превосходных лошадях со скоростью значительно большей, чем могли достичь наши утомленные лошади.

Победа была полная: огромное количество солдат сдалось. Был захвачен весь штаб противника, со всеми документами и материалами, со всем людским персоналом, были захвачены два броневика и огромное количество артиллерийского оружия и продовольствия.

Огромная тяжесть спала с плеч тех, кто рискнул предпринять эту трудную операцию.

У нас было сравнительно мало жертв. Красноармейцы получили возможность вдоволь поесть, попить, отдохнуть. Нас удивляло, почему генерал Литвинов, несмотря на то, что мы

были явно обнаружены, не предпринял мер обороны, которые могли бы решить вопрос в пользу противника. Ответом на этот вопрос явилась бумажка, найденная нами в штабе дивизии: разведчик такого-то дивизиона доносит генералу Литвинову, что он в четырех километрах от станции Айдын обнаружил огромное количество красных, причем он видел все виды оружия вплоть до артиллерии. Подпись — разведчик такой-то.

На этом рапорте значилась резолюция генерала Литвинова: «Арестовать паникера. Чтобы в четырех верстах могли очутиться красные — это исключено. Генерал Литвинов».

ФРУНЗЕ

Этот эпизод я знаю со слов других и со слов его героя — товарища Фрунзе. Расскажу его, иначе он забудется и не станет достоянием истории.

Дело было, повидимому, в 1921 году или в начале 1922 года. Фрунзе был командующим войсками Украины и Крыма. В это время шла борьба с Махно и его отрядами. Сочувствие по отношению к Махно кулацкой и зажиточной части крестьянства делало борьбу очень трудной и длительной. Фрунзе подготовил реши-

тельные операции для полного разгрома основных сил Махно и сам выехал на место действия.

Штаб войск, оперировавших против Махно, находился в селении К. Верстах в двадцати от этого села расположена деревня М., в которой не было ни наших войск, ни войск Махно. Войска Махно находились в следующей деревне.

Надо было разузнать настроение деревни М. и намерения противника. Фрунзе выехал на разведки сам, взяв с собой адъютанта и двух ординарцев. Было ясное утро. Когда Фрунзе подъехал к деревне, никаких признаков противника заметно не было. Но каково же было его удивление, когда, выехав на единственную улицу этой деревни, он увидал расположенную там воинскую часть, причем он остановил своего коня прямо против группы людей, которые, сидя на завалинках домов, чистили ружья, приводили в порядок пулеметы.

Видно было, что часть только-что прибыла в деревню и после краткой передышки собирается в наступление.

Фрунзе понял, что это махновская часть. Да и толпившиеся на улице махновские солдаты, которые в первый момент ничего не заподозрили, насторожились и схватились за оружие.

Фрунзе крикнул своим:

— Мчитесь в разные стороны!

Сам он круто повернул лошадь и вслед услышал крик:

— Да ведь это красный командующий!

Когда он вылетел из деревни на дорогу, мало ему известную, то вскоре заметил погоню. За ним гнались четыре всадника. Под Фрунзе был исключительный скакун. Лошадь мчалась стрелой. Была надежда, что его не догонят. Однако и лошади гнавшихся за ним махновцев были неплохие. Махновцы на ходу начали стрелять по Фрунзе.

Пули жужжали, но расстояние между Фрунзе и махновцами увеличилось. Вдруг Фрунзе заметил, что лошадь его сдает несколько в беге; приглядевшись, он увидел кровь на шее лошади: пуля скользнула по шее, сделав глубокую царапину. Кровь лилась довольно обильно. Положение становится уже менее выгодным для Фрунзе. Махновцы мчатся с бешеной скоростью. Фрунзе был очень хорошим стрелком. Скинув корабин, он выстрелил назад и двумя выстрелами свалил одного из гнавшихся за ним.

Погоня продолжается. Силы лошади Фрунзе явно ослабевают. Он решил быстро спешиться и в упор безошибочно бить настигавших махновцев. Маневр удался: пока те сообразили,

выстрелами он снял с лошадей двух. Третий тем временем тоже спешился. Фрунзе вскочил на лошадь и помчался дальше. Спешившийся махновец выстрелил несколько раз, и Фрунзе почувствовал сильный ожог в правом боку. Он был ранен пулей, прошедшей навылет, но не задевшей ни легкого, ни кости.

Махновец, пославший ему эту пулю, вскочил на лошадь и еще некоторое время продолжал гнаться за ним, но, оставшись один и, очевидно, не решаясь вступить в единоборство с Фрунзе, в конце концов отстал.

Фрунзе долго еще мчался, но, заметив налево от себя маленькую речку, подъехал к ней, спешился, кое-как промыл свою рану, промыл рану лошади и в это время увидел вдалеке на противоположном берегу реки кого-то метившего в него из винтовки. Это был один момент. Еще не успел грянуть выстрел, как Фрунзе, заметив красный значок на груди прицеливавшегося в него, успел крикнуть.

— Это я!

Метившийся в него оказался одним из ординарцев, принявшим Фрунзе за махновца.

Случай спас Фрунзе от смерти или ранения. Совместно с ординарцем Фрунзе после долгих поисков села, в котором был расположен их штаб, уже поздно вечером вернулся к своим.

Об этом случае стало известно в Политбюро. С одной стороны, Фрунзе проявил величайшую отвагу, решительность, находчивость. С другой стороны, он не должен был, как командующий войсками, сам ходить на разведку.

Все это было соответствующим образом отмечено.

ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ

КУЙБЫШЕВ

*

Воспоминания о его жизни и работе

Н. КУЙБЫШЕВ

КУЙБЫШЕВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

«В годы гражданской войны товарищ Куйбышев является одним из виднейших политических руководителей Красной армии» — такова краткая характеристика роли В. В. Куйбышева в гражданской войне, данная ЦК ВКП(б) в извещении о его смерти.

Военная работа В. В. Куйбышева началась еще в период подготовки к Великой Октябрьской социалистической революции. Он был тогда руководителем самарских большевиков и неутомимо сколачивал отряды Красной гвардии, вооружал самарских рабочих, организовал революционный захват власти и охрану порядка после победы. Куйбышев был общепризнанным вдохновителем и организатором всех военных мероприятий в Самаре, руководил борьбой за утверждение советской власти, создавал первые отряды Красной армии. Его малочисленным отрядам сразу же пришлось столкнуться с пол-

чицами генерала Дутова, а позднее — с регулярными частями чехословаков и белогвардейцев.

В. В. Куйбышев целиком ушел в военное дело: губком, губревком, митинги в казармах и на площадях, разоружение эшелонов на вокзале, погрузка и разгрузка на пристанях, отправка отрядов на фронт, — товарищ Куйбышев успевал повсюду. воодушевлял людей, укреплял революционный порядок, вселял уверенность в победе. Он был мозгом и душой организуемой обороны, ее вождем и рядовым участником.

Когда восстало контрреволюционное оренбургское и уральское казачество, товарищ Куйбышев направил несколько отрядов на защиту Оренбурга, Уральска и Бузулука. Восстание Дутова удалось подавить.

В мае 1918 года восстал чехословацкий корпус. Захватив Сызрань и Пензу, чехословаки, а с ними и белогвардейцы, двинулись на Самару. Под напором огромных сил белогвардейщины большевикам пришлось оставить город. Немногочисленные и слабо обученные отряды Красной армии не могли противостоять хорошо подготовленной и вооруженной армии. Товарищ Куйбышев последним покинул город и. отступая, дрался как рядовой боец. Воодушевляя своим примером, поражая бойцов личной храб-

ростью, он обеспечил планомерный отход и организованную эвакуацию, в частности эвакуацию золотого фонда республики. С небольшой группой бойцов в течение нескольких часов задерживал он противника у моста через Самарку, и лишь после того, как погруженные пароходы отошли от пристаней, он сел на последнее судно.

Вскоре товарищ Куйбышев был назначен политическим комиссаром I армии.

Армии фактически еще не было. Имелись разрозненные отряды неизвестной численности, плохо вооруженные, разбросанные по всему Поволжью.

Под натиском врага, в период, когда разрозненные части продолжали отступление, когда Поволжье было охвачено кулацкими восстаниями, когда в Симбирске поднял восстание главком восточного фронта изменник Муравьев, а в Москве выступили левые эсеры,—в это тяжелое время происходила организация I армии.

Началась горячая работа по укреплению армии и подготовке ее к наступлению. На долю товарища Куйбышева выпала важнейшая задача: обеспечить разрозненные части Красной армии политическим руководством, расставить коммунистов, организовать политорганы, наладить политработу, поднять дисциплину в ча-

стях. На его же плечи легли обязанности по налаживанию снабжения, по обеспечению частей боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

Требовалось исключительное напряжение всего политического состава для того, чтобы в кратчайшие сроки укомплектовать армию и сделать ее способной к предстоящему наступлению.

Разрозненные отряды были сведены в полки, бригады и дивизии. Были созданы Пензенская, Инзенская, Симбирская дивизии и отдельная Вольская группа войск. Сколочен аппарат армейского управления. Создан аппарат снабжения. Организованы управления связи и сообщений.

Успехи организационного строительства и политической работы тут же сказались в больших победах I армии. В сентябре армия перешла в наступление на Симбирск и разбила белогвардейцев.

Вслед за симбирской операцией началось наступление на Сызрань и Самару. С юга на Самару наступала IV армия под командованием товарища Хвесина. Самара была взята, враг разбит и отброшен в Заволжье.

Назначенный после взятия Самары членом Революционного военного совета IV армии, то-

варищ Куйбышев напряженно работал над повышением боеспособности частей. Чехи отступили за Урал, но на юге Урала надо было еще добить белое казачество. Борьба велась зимой, в лютые морозы и бураны. Части находились далеко от железнодорожных путей, что сильно затрудняло снабжение боеприпасами, обмундированием и продовольствием. Товарищ Куйбышев берет это дело в свои руки и энергичными мероприятиями обеспечивает снабжение 25-й Чапаевской и 22-й Краснодарской дивизий. В январе 1919 года IV армия заняла Уральск — политический центр уральского казачества, а в марте — Лбищенск. В рядах казачества началось разложение, тысячи сдавались в плен, сопротивление было сломлено.

Весной 1919 года полчища Колчака вновь появились в Заволжье и угрожали Самаре. Для контрудара армиям Колчака командование образовало Южную группу войск Восточного фронта, назначив командующим группой М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета В. В. Куйбышева. Стратегический план разгрома Колчака — план Ленина и Сталина — был выполнен блестяще и в наикратчайший срок. В сокрушительном фланговом ударе по армиям Колчака сказался блестящий военный талант Фрунзе. Политическое и материальное обеспечение операции

осуществил Куйбышев, проявив недюжинные способности политического организатора, пламенного агитатора и пропагандиста, стойкого большевика-ленинца, самоотверженного бойца за коммунизм. Вместе с Фрунзе Куйбышев участвовал во всех решающих боях. И враг был сломлен.

Армиям Колчака нанесен смертельный удар. Они откатываются за Урал, их преследует Красная армия. Но Астрахань все еще остается под ударом. Ее обороняют войска XI армии, руководимые товарищем Кировым.

Куйбышев направляется в XI армию в качестве члена Реввоенсовета. Совместно с товарищем Кировым он в течение нескольких месяцев руководил обороной Астрахани от наседавших полчищ белогвардейцев.

Осенью 1919 года образовался Туркестанский фронт. Во главе фронта партия поставила Фрунзе и Куйбышева.

Обстановка в многонациональном Туркестане была исключительно сложной. Национальная рознь и прочие «плоды» колониальной политики самодержавия создавали клубок неизжитых противоречий, затруднявших работу партийных организаций и органов советской власти. Басмачество, кулацкие восстания, остатки белогвардейщины и английская интервен-

ция превращали территорию Туркестана в сплошной фронт.

Товарищ Куйбышев, глубоко восприняв всю мудрость и последовательность национальной политики Ленина и Сталина, во всей своей работе в армии и политических установках местным партийным организациям неуклонно проводил в жизнь ленинско-сталинские принципы советского строительства и стяжал себе непререкаемый авторитет среди трудящихся Средней Азии.

Операции в Туркестане приходилось вести в трех направлениях: против восставшего семиреченского кулачества, басмачества, остатков поддержанной английскими интервентами белогвардейщины. И трудно даже учесть огромную роль и значение товарища Куйбышева в организации победы по всему фронту.

Семиреченское кулацкое восстание было искусно ликвидировано благодаря тому, что наряду с военными мероприятиями удалось правильной политической работой внести расслоение в ряды повстанцев.

Еще большее значение политическое руководство товарища Куйбышева имело в борьбе с басмачеством и остатками белогвардейщины в Средней Азии.

В ту пору белогвардейцы хозяйничали еще в

большей части Туркмении. Английские интервенты занимали Красноводск. В разгроме белых в Туркмении Куйбышев участвовал уже не только как политический руководитель армии, но и как фактический командующий группой войск.

Белогвардейцы базировались вдоль линии железной дороги на Красноводск. Наступление частей Красной армии было тоже ограничено линией железной дороги, так как и на север и на юг простирались безводные пустыни, не позволявшие предпринимать обходные движения.

Но для большевиков препятствия существуют лишь для того, чтобы их преодолевать. Товарищ Куйбышев решился на сложный и рискованный маневр. Он сколотил отряд из всех родов войск и направил в глубокий обход по безводной пустыне в тыл противника. Отряд знал, что ему предстоит одно из двух: победить или погибнуть в песках.

Результаты этой смелой операции себя полностью оправдали. Отряд под командованием товарища Паскуцкого с честью выполнил боевую задачу. Пустыня была преодолена. Внезапный для противника бой под станцией Козанджик разрушил тыл белых, отрезал их войска от Красноводска. Победителю достались богатые трофеи.

Одновременно было предпринято энергичное наступление с фронта вдоль линии железной дороги. Белогвардейская армия была ликвидирована. Остатки ее без сопротивления откатились к Красноводску. Английские интервенты эвакуировались, не решаясь сопротивляться. Вся территория советской Средней Азии была окончательно очищена от врагов, и это заслуга Куйбышева — военачальника и политического руководителя.

Непоколебимый большевик, непреклонный боец подполья, последовательный ученик Ленина и Сталина,— он был в первых рядах на фронтах гражданской войны, вел массы от победы к победе, вплоть до окончательного торжества Красной армии над всеми врагами советской земли.

И. БИРН

СТРАНИЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Осенью 1916 года в самарской губернской тюрьме оказалась значительная группа политических заключенных, арестованных местной охранкой. Это были участники Поволжской партийной конференции большевиков и другие товарищи, захваченные жандармами. Арестовали тогда и В. В. Куйбышева.

Самарская охранка из кожи вон лезла, чтобы

разгромить большевистскую партийную организацию, которая в то время значительно укрепилась. Товарищу Куйбышеву было предъявлено обвинение в том, что после побега с места высылки в Иркутской губернии он, проживая по чужому паспорту, вошел в состав самарской большевистской организации, участвовал в созыве Поволжской конференции, работал в пропагандистской коллегии.

В самарской тюрьме я познакомился с товарищем Куйбышевым. Почти все политические заключенные содержались в камерах-одиночках. Строжайше запрещены были какие-либо сношения их друг с другом. Однако все эти строгости имели относительное значение, заключенные всегда находили тот или иной путь для получения газет, передачи записок.

Во время моей первой прогулки на тюремном дворе я заметил товарища высокого роста, с большими волосами, большим лбом. Шел он твердым шагом, тяжело ставя ногу, будто испытывая прочность почвы, на которую ступал. Это был товарищ «Адамчик», или, как я уже после узнал, Валериан Владимирович Куйбышев.

С первых же минут знакомства Куйбышев начал меня расспрашивать о положении в организации и политических новостях последних дней.

— Не подходите близко друг к другу, держите расстояние, прекратите разговоры!—раздался вдруг окрик дежурного надзирателя. Оказывается, что, увлекшись разговорами, мы нарушили установленный интервал и подошли друг к другу ближе, чем полагалось. Выровняв положение, мы снова незаметно продолжали прерванный разговор.

На расспросы Куйбышева о событиях последних дней я коротко сообщил те скудные сведения, которые, несмотря на драконовские цензурные условия, стали известными и давали возможность судить о положении в стране. Рост общего недовольства, забастовки в Петрограде, Иванове и других городах, брожение в деревне, резко меняющееся настроение солдат,— все это недвусмысленно говорит о том, что положение в стране резко изменяется.

— Как ведет себя новый министр внутренних дел Протопопов? — спросил Валериан Владимирович.

— Вновь испеченный министр,— сказал я,— явился в Государственную думу в мундире шефа жандармов. Ясно, с чего он начнет и чего можно от него ожидать.

Помолчав, Куйбышев со свойственной ему скороговоркой заметил:

— Положение в стране очень серьезное. При-

ближаются большие события, и революционный взрыв произойдет в ближайшее же время. Жаль только, что мы в такое время сидим за решеткой, вместо того чтобы работать на воле.

Очутившись в своей одиночке, я долго думал о своем новом знакомом. Товарищ Куйбышев был убежденным, скромным и закаленным большевиком, бесстрашным в борьбе за дело партии и рабочего класса. Таким он остался до конца своей жизни.

Осень 1918 года. Молодая советская страна вела в невероятно тяжелых условиях борьбу с помещичье-буржуазной контрреволюцией и иностранными интервентами. Наступление белых армий на многочисленных фронтах сопровождалось контрреволюционными восстаниями и террористическими актами. Во время восстаний анархистов, эсеров, чехословацкого мятежа товарищ Куйбышев был активнейшим организатором боевых сил революции в Поволжье. Мне вспоминается один эпизод.

Штаб IV армии стоял в Покровске (ныне Энгельс — столица Республики Немцев Поволжья). Товарищ Куйбышев занимал тогда пост политического комиссара армии.

Поздно вечером мне передали, что комиссар

Куйбышев хочет меня видеть. Узнав об этом, я немедленно отправился к нему в штаб. Весь город был погружен в темноту. Пока я добрался до штаба, мне пришлось основательно помесить грязь и не раз проваливаться в глубокие лужи.

Полупустая, мрачная штабная комната была обставлена самой необходимой и простой мебелью. За письменным столом, заваленным деловыми бумагами, работал Куйбышев.

— У меня к вам имеется одно предложение,— начал он.— Не согласитесь ли вы возглавить армейскую Чрезвычайную комиссию?

И, как бы поясняя свое предложение, он продолжал:

— Положение на фронте и в тылу требует усиления Чека. Убийства Володарского и Урицкого, недавнее покушение на Ленина, преступления белогвардейских элементов здесь на месте заставляют решительно поднять работу нашей армейской Чека, усилить бдительность и красный террор.

Я дал согласие, и мы сейчас же приступили к делу. Тут же товарищ Куйбышев ознакомил меня с положением дел. Мы наметили мероприятия, проведение которых являлось первоочередной необходимостью. И я увидел тут нового Куйбышева — прежний революционер-подпольщик превратился в крупного государствен-

ного деятеля, военного руководителя, который спокойно, вдумчиво и с большевистской твердостью решает сложнейшие, государственной важности политические и военные вопросы.

Говоря об этом периоде, мне хочется привести еще один эпизод, характеризующий Куйбышева как борца и большевика.

В конце 1918 года в Москве была создана специальная экспедиция по ирригации[1] Туркестана, называвшаяся сокращенно Иртур.

На экспедицию возложена была весьма ответственная задача: обеспечить орошение хлопковых полей и бесплодных степей Средней Азии для успешного разрешения хлопковой проблемы. Речь шла о собственной сырьевой базе для текстильной промышленности. Несмотря на то, что формированию этой экспедиции уделялось очень большое внимание, в ее состав сумела пробраться целая группа махровых контрреволюционеров, решивших использовать свое пребывание в Туркестане для подрывной работы и помощи английским интервентам.

Чтобы представить себе степень засоренности экспедиции контрреволюционными элементами, следует назвать только несколько входивших в

---

[1] Ирригация — работы по орошению безводных земель.

ее состав «столпов» реакции — Глинку-Янчевского (бывший редактор черносотенной газеты «Земщина»), баронов Таубе, Быстрам, Пильц, баронессу Гревенец. Здесь были и полицейские, и бывшие жандармы, и чины царского конвоя и прочая сволочь. И вот этакая сиятельная банда, пробираясь в Среднюю Азию, застряла на территории Самарской губернии в непосредственной близости фронта и очагов кулацких восстаний.

Когда в Самарскую губчека, председателем которой я в то время был, стали поступать сведения о составе Иртура, мы сейчас же наметили, как обезвредить этих замаскировавшихся контрреволюционеров. Но, зная, что эти меры очень ответственны, мы обратились за советом и помощью к Куйбышеву. По его инициативе было созвано особое совещание. Валериан Владимирович решительно поддержал меры, проводимые Самарской губчека. В результате подробного обсуждения вопроса об Иртуре было принято следующее предложение, внесенное Куйбышевым:

«Заслушав доклад товарища Бирн по делу Иртура, совещание:

1. Признает действия ЧК вполне оправдываемыми теми данными, какие были в распоряжении ЧК,

2. Признать необходимым дальнейшее расследование, не останавливаясь перед обысками и арестами.

3. По существу дела признать состав Иртура по имеющимся данным контрреволюционным и пребывание Иртура в настоящем составе в полосе военных действий недопустимым».

Об этом решении и мероприятиях Самарской губчека было немедленно доведено до сведения центральных органов. В ответ была получена следующая телеграмма товарища Ленина от 6 декабря 1918 года, адресованная Самарскому губисполкому и губчека:

«Предписываю немедленно освободить Ризенкампфа и представителей контроля, ограничиться в случае крайней необходимости домашним арестом или военным надзором за гостиницей. Оставить в тюрьме можете только тех, против коих имеются улики. Имена их немедленно телеграфируйте мне. За полную сохранность планов (и) документов и всего имущества вы отвечаете. Об исполнении телеграфируйте. Предсовнаркома Ленин» (Ленинский сборник, т. XXI, стр. 236).

Директива Владимира Ильича была нами немедленно принята к исполнению. После посланной нами дополнительной информации мы получили следующие указания Ленина, данные

им в телеграмме от 10 декабря 1918 года на имя председателя ЧК Бирна:

«Получил вчерашнюю вашу телеграмму в ВЧК, продолжайте следствие, соблюдая условия, указанные в моей предыдущей телеграмме впредь до приезда выезжающей делегации от ВЧК. Предсовнаркома Ленин» (Ленинский сборник, т. XXI, стр. 235).

Дальнейшее расследование полностью подтвердило, что в состав Иртура действительно проникла группа махровых контрреволюционеров, пытавшаяся использовать эту организацию в своих вредительских контрреволюционных целях. Однако осуществить свои гнусные планы ей не удалось.

Последовал арест всей контрреволюционной банды и переформирование Иртура. Эта серьезная в то время и успешная операция Чрезвычайной комиссии связана с именем Куйбышева, одного из вернейших и преданнейших борцов за коммунизм.

В. МАКСИМОВ

НЕУТОМИМЫЙ РАБОТНИК

Этот день начался так же, как и все. В десять часов утра телефонный звонок: нет ли срочных сообщений. В одиннадцать часов утра товарищ

Куйбышев уже на работе: вызывает необходимых ему работников, дает указания, решает серьезные государственные вопросы. Около двух часов дня, жалуясь на нездоровье, Валериан Владимирович ушел домой. Через полчаса его не стало. Настолько неожиданна была смерть товарища Куйбышева, что многие товарищи не верили, когда им сообщали об этом. Только недавно с ним говорили, советовались...

До последнего часа своей жизни работал товарищ Куйбышев.

Хорошо зная народное хозяйство, Валериан Владимирович со скрупулезной внимательностью и добросовестностью разрабатывал и решал все вопросы независимо от того, большие они или маленькие. В таких вопросах, как распределение материальных и финансовых ресурсов, когда на заседаниях комиссий под его председательством разгорались ведомственные страсти, товарищ Куйбышев тщательно и всесторонне изучал вопрос, просиживая часто всю ночь до утра. Такой же добросовестности и тщательности требовал товарищ Куйбышев и от других. Небрежно составленный проект, неряшливая редакция, непроверенные цифры,— все это вызывало у него резкое осуждение.

Когда один из ответственных товарищей прислал товарищу Куйбышеву на рассмотрение

проект, в котором оказались неверные цифры, Валериан Владимирович отослал проект обратно и обругал автора за барское отношение к работе.

С именем товарища Куйбышева тесно связана челюскинская эпопея. В качестве заместителя председателя Совнаркома он наблюдал за работой Главного управления Северного морского пути, помогал его хозяйственному укреплению и организации важнейших экспедиций. И, когда ЦК ВКП(б) и Совнарком поручили ему организовать помощь челюскинцам, он вложил в это дело всю свою любовь к отважным людям, дерущимся за освоение Северного морского пути.

И даже потом, когда челюскинская эпопея была закончена, товарищ Куйбышев продолжал заботиться о челюскинцах.

С большим вниманием следил Валериан Владимирович за ростом Москвы. Каждый успех в городском хозяйстве вызывал его восхищение.

Как опытный пропагандист и агитатор, он часто выступал с докладами на предприятиях столицы.

Сквозь цифры и факты повседневной работы товарищ Куйбышев умел видеть совершающийся исторический процесс утверждения социализма.

Большой вдохновенной силой и верой в новые

победы звучат заключительные слова его доклада на XVII съезде партии:

«Под руководством славной коммунистической партии и товарища Сталина — олицетворения всего лучшего, что есть в мировом рабочем движении,— идет наша великая страна, идет от победы к победе, идет Советский союз, мощная, высокоиндустриальная социалистическая держава, уверенно и бодро навстречу светлому будущему».

За это светлое будущее всю свою жизнь боролся товарищ Куйбышев, беззаветно преданный партии, товарищу Сталину.

СОДЕРЖАНИЕ